№ 24 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

# ДЕЛО ТРУДА
# ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

АПРЕЛЬ 1948 г. | DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE P. O. Box 54, Cooper Station New York 3, N. Y. | 24-й год издания

# ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОЛОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

## ГОЛОД СКРЫВАЮТ

Всем известно ,что урожай 1946 загублен небывалой в истории России засухой, которая пришла на плечах военного разрушения и восьми-летнего голода, и что засуха охватила огромную площадь плодородных земель и создала, как мы писали в № 21 "Дело Труда-Пробуждение," **Всероссийский Голод.**

Лишь после долгих колебаний правительство кремлевских постояльцев оповестило мир о случившейся большей беде. Это было сделано 21-го января 1947 г. После этого ни звука, полное молчание. Пресса вела себя в прошлом году и продолжает вести в настоящем так, как будто в стране ничего не случилось: ни звука о голоде, о мерах помощи голодающим. Недавно собирался Верховный Совет, принял бюджет и никто не посмел спросить: какие были приняты меры для борьбы с засухой и вызванным ею голодом и как они проведены? Конечно, членам Совета нет нужды делать правительству запрос, ибо они не хуже правительства знают о царящем голодном ужасе в стране. Они молчат и делают вид, что "на Шипке все спокойно," потому что сами активные участники преступления.

Правительство, руководствуясь интересами своей иностранной политики, усиленно скрывает голод и его ужасы от общественного мнения стран, лежащих по ту сторону темного царства, превращенного Сталиным и Ко во Всероссийскую Бухенвальдию.

Представители иностранной прессы в Москве поставлены в такие условия, что могут передавать лишь переводы из подцензурной прессы, которые, прежде чем быть отправленными, снова проходят цензуру, вытравляющую из них все, что может дать даже намек на намек. Чтобы изолировать корреспондентов совершенно, ведется подлая пропаганда ксенофобии, ненависти к иностранцам, русские запугиваются, что каждый иностранец шпион, а корреспондент в особенности. По тем же побуждениям Верховный Совет утвердил реакционнейший декрет запрещающий русским женщинам выходить замуж за иностранцев и выезд заграницу тем из них, которые уже вышли. Обычно закон обратной силы не имеет, но не в темном царстве, не в Бухенвальдии. А чтобы совершенно пресечь информацию о положении дел в стране, 9-го июня 1947 г. был утвержден декрет "о разглашении государственной тайны," карающий каторжными работами от 5 до 20 лет. Под "государственные тайны" подведено решительно все, что составляет обычный газетный репортаж, сюда, конечно, относятся цыфры и факты, касающиеся и сельского хозяйства: в сущности, все сведения должны исходить из одного источника и иметь печать одобрения ответственного чиновника.

Таким вот образом отделили страну от всего остального мира двойной железной завесой. Картина народного горя и народного мора скрыта от глаз внешнего мира. Карти-

на скрыта, чтобы она не волновала и не пробуждала совесть и не толкала на протест.

Большевики достигли своей цели: мировая совесть молчит, не пробуждается, не протестует. Совесть людей двадцатого века, прошагавшая по вымощенному человеческими черепами большаку, набила мозоли и стала нечувствительной к страданиям и к горю. Хотя в русском вопросе ей не приходится особенно беспокоится, потому что само русское правительство не беспокоится и не желает, чтобы другие беспокоились.

Грозить судом истории совершающим убийство народов России и молча проходящим мимо этого убийства — бессмысленно. Что суд истории для них, когда принцип мадам Помпадур стал руководящим в их жизни: "После меня, хоть потоп." Что значит для Сталина суд истории после смерти, когда он боится суда только при жизни? Что значит суд истории для миллионов незаметно пришедших в нее и также незаметно ушедших из нее? Жалкое самоутешение пророков и бессильных обличителей!

История творится каждый день, каждый час и ее суд должен происходить ежедневно и ежечасно. Сталина и Ко нужно судить сейчас. . . . Объединенные Нации признали подсудными правительства, совершающие "дженосайд," массовые убийства. Сталин и Ко совершали их раньше и совершают сейчас. Почему бы не посадить их на скамью подсудимых?

## ГОЛОД В ТЕМНОМ ЦАРСТВЕ—ФАКТ

Установлено, общепризнано и Сталиным подтверждено в Ялте, что материальный уровень жизни русских гораздо ниже уровня всех европейских стран. Общепризнано, что все страны за пределами темного царства живут плохо, на этом основании им помогают. Немцы же, которых учат демократии голодом, живут еще хуже, как в аду. Тем не менее в России немецкие продовольственные условия считались бы населением райскими, а западно-европейские — жизнью на седьмом небе.

Об этих странах беспокоятся, заботятся об их детях и стараются приостановить развитие болезней сред них, как рахит, чахотка и прочие. В стороне оставлены только бедные дети бедных народов и народностей России. Они забыты, как забыты и их отцы, использованные в качестве пушечного мяса. Они забыты или, еще хуже, презираются. Они забыты даже своими более счастливыми бывшими соотечественниками, проживающими за океанами в довольстве и сытости. Они напоминают миру о себе предсмертными стонами, но мир затыкает уши, чтобы не слышать их. Их худые, голодом истощенные руки тянутся к миру через кремлевские палаты и златоглавые соборы и едва шевеля губами, они просят: "Подайте, Христа ради . . ." А сытый мир им отвечает: "Жаль, не можем. Нельзя. На стенах Кремля написано: **кормить строго воспрещается**" . . . И мрут дети русских народов и мрут сами народы. . . .

Господа, господа, ведь это же так ясно, так просто: если в Европе, где живут сытнее, чище, санитарней, развиваются болезни, то что же можно сказать о России? А там, ведь, люди сделаны из того же самого теста и подчинены тем же самым биологическим и физиологическим законам, следовательно, если недостаток пищи вызывает болезни на Западе, то то же самое он делает и на Востоке.

Господа, ведь, это так ясно, так просто: проще пареной репы — если в царские времена засухи вызывали голодовки, а голодовки сопровождались "голодным тифом," то засухи при большевиках, да еще такие огромные, не могут не вызывать голода, а голод не может не сопровождаться болезнями и смертями.

Если засуха при Ленине вызвала голод в 20 губерниях и если этот голод убил 5,200,000 человек, то почему засуха при Сталине, охватившая почти решительно все плодородные земли Европейской России, не должна сделать тоже самое?

Одинаковая причина в одиноковых условиях порождает одинаковые следствия. Это закон, который никем еще не опровергнут, даже Сталиным. . . .

## КАРТИНА ГОЛОДА

Голод в России "зафактованный" факт. Оспаривать его никто не может, можно лишь спорить об его размерах и о размерах причиненного им опустошения.

Подробной картины величайшей голодной трагедии России сейчас дать невозможно, потому что она скрыта от постороннего взгляда двойной стальной завесой. Но все же кое-что из-под этой завесы просочилось. Просочилось не очень много. Но это немногое, сведенное вместе, может дать черновой набросок, на основании которого каждый может представить себе трагедию, разыгравшуюся за двойным стальным завесом в 1946-7 гг., разыгрывающуюся в текущем году и которая, несомненно, будет разыгры-

ваться в будущем и даже в следующие за ним годы.

Некоторый свет проливают возвратившиеся из России евреи, бежавшие туда от нацистских уголовных орд, и возвратившиеся военнопленные австрийцы, немцы и японцы.

Прибывшая из России в Вену группа в 350 евреев представляла собою потрясающее зрелище. "Тряпки были их одеждой. Они были полумертвыми от голода. Они прибыли из новой 'житницы' России — из Казахстана. Они рассказывали, что в пути 'они имели так мало продовольствия, что умерли бы от голода, еслибы не еврейский Джойнт Дистрибушон Коммитти Румынии, который, узнав об их судьбе, позаботился снабдить их пищей.' Многие рапорты польских евреев, проследовавших через Вену, говорят о подобных же условиях" ("Нью Иорк Таймс," март 30, 1947 г.).

Все вернувшиеся из плена австрийцы прежде всего утверждают, что с большинством русского населения обращались не лучше, чем с ними, и что "их питание, хотя и нищенское в сравнении с довоенным австрийским уровнем, в общем было лучше, чем питание получаемое русским населением" (Джон Мак Кормак, "Н. И. Таймс," ноябрь 4, 1947 г.).

Это подтверждают и японские пленные.

"Теоретически рационы военнопленных такие же, как и основной рацион для русских, но большая часть его разворовывалась советской администрацией лагерей.

"Пленных кормили соответственно сделанной работе. Кто работал тяжелее, получал больше пищи, а кто физически не подходил к работе и не мог выполнить установленной дневной нормы, получал меньше.

"Больничные условия были на столько плохи, что больные пленные предпочитали оставаться в лагере" (Сообщение "Рейтера," дек. 28, 1947).

Военнопленные работали повсюду в Европейской и Азиатской России. Они работали на постройках железных дорог, на рытье каналов, на осушке болот, в шахтах, гаванях, на заводах и фабриках, грузчиками, лесорубами, квалифицированными рабочими, техниками, инженерами и пр. — все по своей специальности и получали по ставкам, как и русские.

В каком же физическом состоянии они вернулись домой?

"Тот факт, что такое огромное число пленных вернулось страдающим от голода, эдемы (голодная водянка), малярии, туберкулеза, ревматизма, водянки и от кишечно-желудочных болезней, является самым поразительным свидетельством об условиях, при которых пленные работали. Многих нужно было положить в больницы и почти ни один из них не в состоянии работать без предварительной поправки в несколько месяцев.

"Фактически, все без исключения вернулись с ниже-нормальным весом и многие рассказывают о своих товарищах, умерших от голода, холода и истощения" (Джон Мак Кормак, "Н. И. Таймс," ноябрь 4, 1947).

Германские военнепленные вернулись в таком же физическом состоянии. Медицинское освидетельствование их, произведенное Американским Оккупационным Военным Правительством, привело к заключению, что все они вернулись с весом на 16-18 фунтов ниже нормального минимума и, приблизительно, на 26 фунтов ниже среднего американского веса людей того же самого возраста. Все с признаками голодной эдемы и неспособны к труду без 2-3 месячной поправки ("Н. И. Таймс," окт. 1, 1947).

Вильям МкГаффи, корреспондент "Чикаго Дейли Ньюс," проживший в Москве все время Московской конференции "Большой Четверки," написал шесть статей о виденном и слышенном в России. В первой статье он говорил о недостатке жилищ, о невероятной скученности в них, о недостатке продовольствия и одежды и о невероятной дороговизне их.

В связи с продовольственным положением он, для иллюстрации, приводит два анекдота. Первый — старый, но он, вследствие голода, снова стал популярным в Москве.

На вопрос: "Как поживаете?" Москвичи отвечают: "Как Ленин — не кормят и не хоронят."

Другой—новый, сложенный, повидимому, под влиянием пирушек, задававшихся Сталиным для знатных иностранцев.

Сталин устроил пирушку для своих министров. Видя с каким аппетитом они уплетывали пищу за обе щеки, он заметил: "Сегодня мои министры имели хороший аппетит." На это один из министров ответил: "Это что, хозяин, ты посмотрел бы на твоих рабочих: они в один присест могут съесть весь свой месячный паек."

Появление такого сорта анекдотов весьма примечательно. Они обрисовывают положение лучше объемистых статистических исследований. . . .

"Черный хлеб, — писал МкГаффи, — основа жизни в Советской России. Он дополняется супом, картофелем и капустой. Ничего изысканного, но питательно."

Я хотел бы, не по злобе, а для опыта, посадить мистера Вильяма МкГаффи на эту диэту, ну, скажем, хотя бы на пару недель, и потом уж услышать его суждение о питательности указанной диэты, содержащей самое большое 2,085 калорий, не говоря уж о несостоятельности ее в минералах и вита-

минах. Проклятые две мерки: одна для русского, другая для себя . . .

"Я не мог найти никаких указаний на 'массовый голод за время моего десятинедельного пребывания в стране" (в Москве), но, — продолжает МкГаффи, — "некоторые эксперты, путешествовавшие по Украине . . . , говорили, что в России имеются 'карманы голода'."

Итак, "массового голода" нет, но есть "карманы голода." Если эти эксперты, разъезжавшие по железной дороге или летавшие на аэропланах из города в город под наблюдением "недремлющего ока," не заглядывая в глубь страны, могли заметить "карманы голода," то что же творилось и творится за пределами линии их наблюдения? Что творится в глубине страны, подальше от больших городов? Сколько таких "карманов голода" и как они велики? Может быть совокупность этих голодных пятен или "карманов" составляют такую огромную площадь и с таким большим числом населения, что "массовый голод" определенной ограниченной территории будет казаться игрушкой в сравнении с голодом во всех этих "карманах"? Я думаю последнее ближе к истине...

Мы сказали, что одинаковая причина в одинаковых, условиях порождает одинаковые последствия. Как известно засуха 1946 года началась в Румынской и Русской Молдавии и прошла на Восток по всей Украине до Волги, поразив часть территории на юг, юго-восток, на север и северо-восток от нее. То, что натворила засуха в Румынской Молдавии, тоже, несомненно, она натворила и в засушливых территориях России. Поэтому состояние Румынской Молдавии мы с полным правом можем взять в качестве показателя для России.

Каковы же дела в Румынской Молдавии?

"Юнайтед Пресс" сообщала 4 июля 1947 года, что чиновник румынской организации помощи голодающим дал сведения, что в некоторых деревнях ежедневно умирает от голода 4-5 человек. "Жители употребляют в пищу кору деревьев. Нет надежды на улучшение положения в южной Молдавии до осенней жатвы."

"Нью Иорк Таймс" получил 5 июля донесение от своего корреспондента из Бухареста, в котором он говорил, что "несмотря на иностранную помощь, число умерших от голода неофициально исчисляется в 20-40 тысяч.

"Прошлая зима (1946-7) была одной из самых тяжелых, которую Румыния когда либо переживала: тысячи умерших в Молдавии. Народ, в поисках хлеба, бежал из Молдавии десятками тысяч. Правительство (коммунистическое, Г. М.) вынуждено было перевезти 80 тысяч детей: 70 тыс. в другие районы страны и 10 тыс. заграницу. Детская смертность в Молдавии поднялась до 19 чел. на сотню.

"Недостаток питания не ограничивается только Молдавией: он чувствуется во всей стране и особенно остро в больших городах.

"Согласно коммунистическому министру земледелия Траяну Савулеску, в течение следующих двух месяцев (август-сентябрь 1947) Румыния получит 60 тыс. тонн пшеницы и 20 тыс. тонн овса из Советского Союза и 50 тыс. тонн зерна из Соед. Штатов."

Чтобы удержать политическое господство Компартии в Румынии и свое влияние в ней, московское правительство отбирает хлеб у своих голодных и дает румынским. Какая чуткость, сердобольность, какое участие и какая человечность!

Таково положение и в России: в одних местах с большим сгущением ужасов, в других с меньшим, но число погибших несомненно будет исчисляться в миллионах. Да иначе и быть не может. Вот, послушайте, что говорит бывший Бразильский посол в Москве Д-р Марио де Пиментель Брандао.

"В Советской Республике 30 миллионов бездомных и безхлебных.

"Голод там у всех на устах," т.е. самое распространенное слово.

"Там, за крепкой железной завесой, нищета, голод и рабство.

"Рабочие на положении скота и с ними обращаются, как с собаками.

"Полицейская шпионская система 'действительно дьявольская' — шпионы повсюду" ("Н. И. Таймс," дек. 25, 1947).

## ЧИСЛО ЖЕРТВ ГОЛОДА

Московское правительство, поведав миру о засухе, не решилось дать цифровых данных об урожае 1946 года, заявив лишь, что он был "гораздо ниже" урожая 1945 года. А кто знает урожай 1945 года?

Если из 20 млн. голодавших в 1920-21 годах умерло 5,200,000 человек, то, спрашивается, сколько же погибло в 1946-47 годах?

Если мы примем во внимание, что территория, пораженная засухой, и число населения этой территории в несколько раз превосходят территорию и население засухи 1920-21 годов, что на этот раз голод постиг страну немедленно после голодных военных лет, что вследствие этого физическая сопротивляемость населения чрезвычайно низка, что эта сопротивляемость еще больше понижается чрезвычайно ухудшившимися жилищными условиями и недостатком одежды и топлива и что медицинская помощь почти совершенно отсутствует; если мы примем во внимание отсутствие иностранной, общественной и правительственной помощи голодающим, а также послевоенное со-

стояние промышленности и транспорта; если мы примем во внимание иностранную политику московского правительства, требующую непосильного для страны экспорта хлеба и других продовольственных товаров, в которых страна сама ощущает голод; если, наконец, мы примем во внимание, что эта иностранная политика приняла характер безкровной войны с Соединенными Штатами, которая требует абсолютно непосильного напряжения, то мы должны придти к заключению, что голод 1946-47 годов погубил значительно больше людей, чем голод 1920-21 годов, и что его последствия неизмеримо серьезнее, чем многие думают.

Урожай 1947 года, как мы покажем, был плохим и голода не приостановил; голод продолжается и я сомневаюсь, что с ним справятся даже в 1949-50 годах.

Русский трудовой народ все еще ждет помощи, помощи через головы и против воли своих ужасных крепостников. Дождется-ли?

**Г. Максимов**

# ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

(Перевод с английского **О. М.**)

## Вступление

Когда П. А. Кропоткин вернулся во Францию, после своего первого визита Англии в 1883 году, он немедленно был обвинен в принадлежности к Интернациональной Ассоциации Рабочих (Первый Интернационал) и в участии в Лионской демонстрации.

Во время сидения Кропоткина в тюрьме Клерво многие английские ученые и писатели, стараясь добиться для него лучших тюремных условий и свиданий с женой, подписали меморандум к французскому правительству. Однако, далеко не все ученые коллеги Кропоткина проявили к нему такую симпатию: например, известный последователь Дарвина, Томас Генри Гексли, категорически отказался подписать меморандум, заявив, что, по его мнению, Кропоткин находится в хороших условиях. Знал ли Кропоткин о таком отношении к нему со стороны Гексли, — вопрос остается открытым; во всяком случае, в последующие годы, когда эти два человека сражались по вопросу о взаимной помощи, Кропоткин никогда не проявил личной неприязни к Гексли, наоборот, он всегда хвалил его, как крупного ученого и, особенно, как защитника дарвинизма против клерикальных атак.* Такое различное отношение двух людей, рассматриваемое в свете их социальных концепций, имеет определенное значение, потому что точка зрения Гексли на механизм эволюции, как на непрерывную взаимную борьбу, была быстро подхвачена философами капитализма.

В начале работа Дарвина нанесла такой смертельный удар теологическому взгляду на творение и вызвала такую ожесточенную вражду церковных кругов, что более основные её выводы не были замечены. Так как полемика, бушевавшая в последней половине 19-го века между теорией эволюции и церковью, закончилась много лет тому назад решительной победой ученых, то "дарвинский вопрос" часто рассматривался вполне законченным. Однако, спор о правильном истолковании теории Дарвина о естественном подборе все еще продолжался, хотя и с меньшим жаром, несмотря на более фундаментальный характер последней. Теория Дарвина о механизме эволюции имеет важное влияние на социологические вопросы и в свое время её социальные выводы были немедленно признаны.

Карл Маркс, например, когда он в 1859 году выпустил свою "Критику Политической Экономии," считал исключительно счастливым случаем, что "Происхождение Видов" появилось в том же самом году. "Эта замечательная работа, — писал он, — делает мою абсолютно непоколебимой. Дарвин может не знать это, но он принадлежит к Социальной Революции." Однако, в то же самое время либеральные капиталисты и их политические философы, лессе-фер экономисты Манчестерской Школы тоже приветствовали её, как подтверждающую **их** теорию, согласно которой, неограниченная свободная конкуренция всех против каждого является наилучшим методом обеспечения экономического прогресса и собственности;

* В книге "Современная Наука и Анархия" Кропоткин, например, говорит о своем оппоненте, как о "смелом, ученом и интеллигентном апостоле" Дарвинизма; во "Взаимной Помощи" он говорит о нем, что Гексли "считается несомненно одним из лучших представителей теории развития (эволюции)". Кропоткин никогда не говорил о Гексли с озлоблением.

именно эта непрестанная конкуренция и подчеркивалась ими в работе Дарвина. Впоследствии Кропоткин указал, что сам Дарвин не имел такого узкого взгляда на "борьбу за существование," но тем не менее этот взгляд стал базой истолкования естественного подбора его последователем Гексли.

Борьба религии против науки отодвинула на задний план спор о социальных выводах работы Дарвина. Но она же, кажется, набросила на дискуссию мантию церковного обскурантизма, ибо мы обычно находим, что исследование фактов, относящихся к данному предмету, пренебрегается в пользу догматического утверждения и слепого допущения. Капиталистический и правительственный предрассудки заняли место церковной мифологии в деле затемнения проблемы. Великая работа Кропоткина **"Взаимная Помощь"** вплотную подошла к окончательному решению вопроса и позднейшие исследования подтверждают выдвинутую им точку зрения. Но прежде чем приступить к рассмотрению этой точки зрения, не безинтересно будет посмотреть на историю данного вопроса, тогда мы увидим, что этот вопрос дебатируется социологами со времени Французской Революции.

### Мальтус и Капиталистическая Идеология

По замечательному совпадению Дарвин и Алфред Россель Уоллэс почти одновременно пришли к идее эволюции в порядке естественного подбора; оба они вступили на этот путь мышления по одному и тому же первоначальному побуждению. В своем "Кругосветном Путешествии Натуралиста" Дарвин рассказывает, как идея Мальтуса навела его на путь подбора.

". . . В октябре 1838 года, спустя 15 месяцев после того, как я начал свои систематические исследования, случилось, что, удовольствия ради, я читал 'Мальтус о народонаселении,' и будучи, благодаря продолжительному наблюдению за привычками растений и животных, хорошо подготовленным понять борьбу за существование, которая происходит повсюду, меня внезапно осенила мысль, что при таких условиях приспособленные вариации выживали бы, а неприспособленные вымирали бы. Результатом этого было бы образование новых видов."

Подобным же образом Уоллэс описывает, как он в феврале 1858 года, 20 лет позднее Дарвина, лежа больным лихорадкой, думал о "позитивных задержках" — война, голод и болезнь, — описываемых Мальтусом в его работе "О народонаселении." Уоллэс чувствовал, что эти "позитивные задержки" должны действовать с гораздо большей силой на животных, чем на людей, вследствие более быстрого размножения первых. Итак, после прочтения книги Мальтуса оба они начали думать о естественном подборе.

Очерк "О народонаселении" стал почти учебником капиталистической идеологии. Очень удобно было думать, что бедность есть результат "неизбежной" тенденции населения всегда превышать имеющиеся пищевые запасы, вследствие чего бедняками были те, на которых воздействовали "положительные задержки." Такая вера счастливо избавляла экономическую и социальную системы от всяких обвинений за господствующую человеческую нищету. Но уже в последнюю половину 19-го столетия стало очевидным, что возможности производства далеко опережают реальное потребление рабочего класса, являющегося огромным большинством человечества. Не ограниченность мировых рессурсов делает нищету неизбежной, а ограничение покупательной силы системой заработной платы, навязываемой массам человеческого рода. История последних 20 лет еще более решительно выбрасывает идеи Мальтуса в мусорный ящик: мы являемся вынужденными свидетелями зрелища, когда огромное большинство человеческих существ прозябает в жалкой нищете, живя среди мирового довольства. В то время, когда голод широко распространен, огромная масса продовольствия из года в год выбрасывается в море, сжигается в локомотивах или употребляется в качестве навоза. Продовольствие, которое так нужно для устранения голода, шло на корм животным, потому что это дешевле и более "экономно." Такое зрелище делает вздорной идею Мальтуса, что мир всегда несколько перенаселен и что это перенаселение создает недостаток, который делает неизбежными нищету и голод и в то же самое время ограничивает рост населения. Несмотря на это, защитники существующей системы общества всё ещё продолжают выдвигать его обанкротившиеся взгляды.

Сам Мальтус написал свою книгу в целях опровергнуть идеи, выдвинутые в 1793 году анархистом Вильямом Годвином в его замечательной книге "Исследование Природы Политической Справедливости." Таким образом, можно сказать, что весь спор ведет свое начало с этой работы "отца анархизма."

**Джон Хьютсон**

# ЗАКОН И ПРАВОСУДИЕ

С тех пор как существует организованное общество, существуют законы, а также и вопрос о разнице между законом и правосудием или справедливостью. По общепринятому понятию, закон и правосудие — синонимы, как и понятие о правде.

Однако, ещё Михайловский настаивал, что есть две правды: правда-истина и правда-справедливость. Ведь сколько несправедливости и сколько жестокости совершено во имя закона! "О, свобода, сколько несправедливости было совершено во имя твоё!" — восклицала мадам Роллан. Есть ли что-нибудь общее между этими двумя понятиями?

"Мы знаем, — писал Л. Н. Толстой в своей книге "Царство божие внутри нас," — как законы делаются: от эгоизма, партийных предубеждений и лжи. Настоящая справедливость не в них и не может быть в них." Ибо, как сказал когда-то Даниил Дефо, — **"Справедливость есть конец правительства."**

Что такое закон? Закон — это общеобязательное правило, издаваемое и поддерживаемое государственной властью. Он издается или законодательными учреждениями, или административными органами власти.

Философски законы делятся на законы естественные, физические, логические, нравственные, психологические и юридические. Последний — самый элементарный, ибо он представляет веление власти для поддержания определенного общественного порядка.

От естественного закона природы закон юридический отличается изменчивостью. Жизнь диктует новые формы и новые нормы.

Закон юридический существует и действует по моральному принуждению или согласию общества и по принуждению власти. Он функционирует, пока формально не отменен, даже тогда, когда вред его очевиден.

В капиталистическом обществе основа большинства законов — частная собственность. И большинство судебных дел занято вопросом: чья собственность? Это кардинальный вопрос, когда мы сталкиваемся с противоречием между законом и правосудием. Примерно, А одолжил деньги у Б и не вернул их ему. Через суд Б приобретает право конфисковать деньги и имущество А для покрытия долга. Легально Б прав, но **морален** ли его поступок, лишивший А всего его имущества?

Вопрос о законе и правосудии многосторонен и находится в зависимости от точки зрения личного интереса. Готтентота спросили: "Что справедливо?"

— Справедливо, если я заберу жену моего соседа.

"А что несправедливо?"

— Если сосед заберет мою жену.

Эта готтентотская мораль поддерживается весьма многими.

Две девицы в Москве занимали известную жилплощадь. Одна из них ушла, и хозкомитет на её место послал молодого человека. Когда родился ребенок, перед судом возник вопрос: сколько он должен платить на содержание ребенка? Молодой человек защищался на том основании, что не он выбрал себе место и девицу. Решение суда было справедливо, но сомнительно с точки зрения принципиального правосудия: содержать прижитого ребенка обязан хозкомитет.

Когда я однажды упомянул в суде о правосудии и справедливости, судья меня перебил: "Что говорит по этому пункту закон?" Англо-саксонская юриспруденция признает принцип справедливости, как противоположность своду законов, но и это не дает решения вопроса.

Американская конституция дает одинаковое право богатому и бедному спать на лавке в парке. Закон равен для всех. Разница лишь в том, что богатому спать в парке не приходится.

Все признают, что законы не совершенны, но с различных точек зрения: что хорошо для одного класса — плохо для другого. Беда ещё в том, что юриспруденция — не наука, а искусство, в которое вовлечены законодатели, судьи, адвокаты, свидетели и т. д. Вопрос о справедливости будет потерян, когда решение дела зависит от того, какая сторона имеет лучшего адвоката, знакомство с судьей или больше денег. Вот почему русская поговорка гласит: "С дюжим не борись, с богатым не судись."

Пока будет существовать частная собственность, будут существовать жадность и зависть. Только с улучшением человеческой природы, с развитием гуманитарности, с уменьшением и исчезновением власти и её необходимости — закон и справедливость станут синонимами.

**Леон Сандерс**

---

**ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ**
**ДЕЛО ТРУДА - ПРОБУЖДЕНИЕ**

# ПЫТКИ В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

**(Письмо белорусского крестьянина)***

18. 9. 1947 г.

Здравствуй Многоуважаемой Дядя!!!

Вопервых словах хочу придставить себя что я есть Николай сын сестры Вашой Агаты.

Дорогой Дядя, поверте что немогу одчего зачат писать, так много чего хотелбы написат, потому что для Вас Дядя былобы интересно все знать за этот час од 1938 г. Кажится это было вчера, а сейчас уж 10 лет. Зачну от начала т.е. от 1938 г. Как известно, у нас в бедной темной масе, брошеное зерно "Комунистической Парти," зачало разрастатся.

Молодыя головы од заряня начали думать в болшую идею, начали верит слепо в чтото непонятное, выображая что СССР есть единственная страна где рабочий класс живет лутше ненада, где свобода людей, где нет "панов" помещиков и других началников, где нет тюрем, (потому что нинужно, когда живет народ прикрасно), где все равныя, где расквитаеть жизнь людей.

И много много других непонятных вообразней было между беднотой. Ба верили даже те которим жилос харашо.

И чтоже, надо испитать. А было таких "дураков" очень много, не только нас пяти (5). "Ах какой воздух приятной и нечувствуем никакого измучения, ногам стало легко, а сердца возрадовалис, потому что находимся в Сов-Союзе. Нас арестовано заполчаса одставлено в "погран-отряд," отнято все документа, также фото-карточки и т. д.

Между собой говорим "это надо, должни узнать кто мы? Посадили в тюрму. Допрос за допросом. А разве что нибудь укривали? все подробно разказали и больше что могли говорит. А "НКВД" (Народный Комисарят Внутреных Дел) не "дурак," для "НКВД" нечиго делат, а давай "прижмем Ежовой рукой" (Ежов был Нар. комисар СССР) в 1938 г. которой тож пошол под стенку.

И давай нас обвинят. Одставили нас в г. Минск в тюрму "НКВД" в "Специальной корпус," где сидят "большия враги Сов-Союза (такия как и мои-товарищи." "Давай на допрос"! Я спросил следователя, что должен сказать гражданин начальник? "Давай сначала"! Вот я сначала начал. Уродился 1918 г. в дир. Д . . . ** и т. д. Все сказал подробно од А до Я аж до момента аресту. Говорил "Начальнику следчему" около двох (2) часов. Когда закончил и говорю, это все чтоя знаю о себе и других. Началник: "Да, мы это все харашо знаем, давай говори, кто вас прислал? скаким заданием, до кого? в какой политической организации был? сколько лет работал на ползу Полского правительства конфидентом?" Какой вред хотели зделат Сов-Союзу? Вас прислала польская разведка, Вы шпионы, вы хотели подорвать Сов-союз! и т. д. и т. д.

Вы уверите Дорогой Дядя что мне тело делалось жаркое то холодное. Немог слова сказать на такое обвинение. И что? "Признаешся что шпион?" Нет гр. Началник, я чесной человек к Сов-Союзе. "Да мы таких честных много зарылы." "Давай говори! есьли небудеш говорить что вас прислала полразведка будем бить и заставим сказать то что нам надо!" Если гр. Начальник щитаеть меня виновным, вчем я щитаю себя чесным, пожалоста бить, а лутше уничтожит, только я буду всегда чстной. "Вы дурак е . . . мать, вы скажете то что нам надо. Какая стенка? Я говорю белая. "Вот стенка белая а я буду говорит что стенка чорная и вы должны сказать, что чорная." Гр. Начальник, как я могу говорить что я "шпион" и т. д., когда я нечувствуюс "шпионом" я не могу себя обвинят ложно.

Разсердился Начальник по фам. Холявко вынял резину и спрашиваеть "что такое?" Отвечаю резина. "Вот она вас заставит сказат то что нам надо будет" и дает ризину мне в рот "Бери гризи" взял в зубы я и держу. "Крепка? вот резина выдержить а вы никогда." И как стоял у пороге, начал бить по (морде) лицу резиной. Первой и втарой удар слышал, а больше не чувствовал, тело зделалось деривом. Бросил резину, а згартиваеть два кулака и меня в живот, я полител в двер, двер открылас я упал на коридор.

Возвал ещо троих следователей, а) Лев б) Левин в) Айфитц (троих евреев а он был четвертой Холявка (украинец).

Но тогда началось, начали бить в пяти а потом везде, ногами, табуреткой, кулаками. И когда лежал на полу, один скочил на груд и начал доптат, а потом на горло. Я обомлел, очутился вес облитой холодной водой. Отправили меня как "барина" (под руки в карцер где нильзя было сидет, а даже дотро-

---

* Печатается без изменений и поправок. — РЕД.

** Название деревни опускаем, согласно желанию получителя письма.—РЕД.

нутся стенки. Холодно, босой и раздетой, голодной, збитой, только что живой.

За пол часа обратно взывают на допрос, а так сказат на издевательство, обратно начали бит. Посадили на таборетку, только на одну ногу и чтоже? взяли и насадили ж. на ногу таборета. Это было наимучителней и обратно, очутился вес мокрой, от пота и воды. Заставили делат "физ-културу." "Вот зделаеш 50 присядов, небудем бит, а есьли незделаеш будем кости ломить." И чтоже, зделал 50 присядов, ещо 50 и что?, был так без сил что один присяд немог зделатт. Недают спать, одни сутки, вторыя, третия. Допрос, издевательство, обзивательство. На (3) ден начали мои ноги делатся светлыя, (пунуть) на четвертой ден, начал терять память, а потом совсем был без памяти. Нимог знать, где я нахожусь и что делается сомной. И так мучено 12 дней и 12 ночей.

Меня били, но я ничего нечувствовал. Лежал на асфальтовой подлоге без чувства и памяти, раздетой. Когда привели тюремного "врача" которой сказал что "надо дать ему немного отдохнуть."

Низнаю сколька я лежал, но когда обудился был весь вкрови. Начал горко плакать. Почувствовал перед собой конец жизни. Вбросили меня в общую "камеру" чтоб остальныя видили что делают. Один руской человек подошол комне и начал мне говорит: "Мы все пропавшия и жизни нам невидат, скажи для них то что они требуют, пусть убют (растреляють) начто мучится, говорят "шпион" вот скажи что "шпион." Мы все одинаковыя приступники и нас всех одно ожидаеть." Взывають и обратно мучит, кости ломит. Тогда решил сказат то что желают. "Будеш говорить?" буду. "Шпион?" шпион. "Прислала пол-разведка? прислала." Ишол к своему брату Семену, которой состоит в пол-разведке?" ишол. "Хотел зделат вред Сов-Союзе?" хотел. "Вы имете дядя Мартина С—ко в Америке?" имею. Он состоит в фашистовской партии?" состоить. "Вы хотели ему пиредават сикрета?" хотел. "Вам имел прислать сикретныя бумаги с Америки?" имел. "Вас имел втсретит низнакомой человек в Москве?" имел. "Вы хотели возвратится обратно?" хотел. Одним словом что то непонятное, для людей котория низнают Сов. Союза и власти красной диктатуры. Наверно Дядя будет заскочен моим письмом. Но хочу подчеркнуть, что это очен малой % того чего могбы разсказать в разговоре. Это есть дийствительная правда и прошу верит Дорогой Дядя. Это ест такая правда, как есть правда что я люблю свою Дорогую Мамашу.

Осудили нас (5) пяти по 15 лет заключеня В.Т.Б.О.В.О. в Минске, при закрытых дверях. Ещо имею "Судебний приговор." И буду его хранит, покуда буду живой.

Дорогой Дядя, недумай что только с нами пяти было так, нет в 1938 году было 36 миллионов в заключений в Сов-Союзе.

Ввес Сов. Союз усеян контрационными лагерями. Совецкой Союз для многих есть непонятной и думают что действительно "рабочий. класс" живет харошо. Нет. В Сов. Союзе, нет свободы, народ застрашен, только "НКВД" имеет свободу делать что угодно з нещастным народом. "НКВД" видёт жинь и смерть миллионам рабам. "НКВД" делает так, как в Гирмании гитлеровской "S.S." да ещо НКВД лутше делает. Сов. Союз, это большая "панщина" где рабочии народ ничего незначит.

Рабочий народ очень обижден. Нет другой страны такой где так мучится народ.

Дорогой мой Дядя, я очень харашо познал Сов. Союз, Пролетарскую власть. Недолго был в Сов. Союзе от 1938 да до 1942 года. 4 год с лишним. Харашо испитал. Проехал от Минска до Архангелска, з Архангельска, Саратов, Куйбишев, Горки, Актюбинс, Ташкент, Красноводск и много других городов. Жил между руским народом. Дорогой Дядя, я думаю хватит. Шлю пламенной привет Дяди, Дядине Виктории, Степану и всем остальным. Желаю всего найлутшего в жизни Вашой. Прошу дорогой Дядя о скорой ответ, если что нибудь непонятное есть прошу спросит, а я всегда с большим удовольствием отвечу.

**Николай**

# ТОРЖЕСТВО ФРАНКО

(МТР) Вскоре снова будет открыта французско-испанская граница. (Она уже открыта.—Ред.) Около года тому назад французское правительство приняло решение порвать дипломатические сношения с Испанией, чтобы таким образом воздействовать на фашистский режим Франко. Перед этим Объединенные Нации пересмотрели свое первоначальное решение об отозвании дипломатических представителей из Мадрида и постановили, что оно ныне не в силе. Это уже было победой Франко. Теперь, с открытием французско-испанской границы, он может отметить новую победу над демократиями.

Мировая война должна была уничтожить фашизм. Для этого принесено в жертву 55 миллионов человек. Для этого было разрушено бомбардировкой половина Европы. Поэтому сейчас процветает ("демократическая") неописуемая бедность и нищета с голодом, холодом, бесприютностью и болезнями, которые уничтожают ещё другие миллионы людей.

Гитлер и Муссолини уничтожены, а Франко торжествует, благодаря лишь благоволению английской политки и долларового вторжения Америки, которые перестраивают для него индустрию. Португальская диктатура также твердо сидит в седле, а в Аргентине диктатор Перрон мог сделать себя господином нации. Кроме того, мы имеем ряд тоталитарных государств красного цвета, народившихся в Восточной Европе. Война не уничтожила фашизма, а только поразила некоторые фашистские режимы и 55 млн. жизней были уничтожены во имя политической лжи.

Ныне от удовольствия Франко скалит зубы по ту сторону французской границы. Французская блокада теперь частично снята во имя совместной работы "демократии" и фашизма. Тот, кто опирается на Объединенные Нации, как представителя мировой демократии, имеет урок. Объединенные Нации играют жалкую роль. Объед. Нации — объединение представителей правительств. Что могут ожидать сторонники свободы от правительств и их общей организации, называемой ОН? Франко ныне торжествует над ними.

Международный Профсоюз недавно требовал, чтобы ОН приняли меры против Франко. Почему это нужно что-то ожидать от ОН, когда сами рабочие в своей организованной силе имеют более действительные и более ощутительные средства, чем ОН? Объединенные Нации на Франко нападать не будут. Всякая мысль о политическом действии такого сорта — ошибка. Не политическое действие, а прямое действие рабочих посредством своих собственных организаций сулит успех и только это.

Дальнейшее равнодушное и пассивное созерцание, как Франко бросает палачам своих политических противников, борющихся за свободу, означает предательство испанского народа и дела свободы.

**Альберт Иенсен—Albert Jensen**

Ежедневная газета "Arbetaren" — орган Шведского Рабочего Секретариата. Стокгольм. Февраля 11, 1948.

# АНАРХИЧЕСКИЙ АРХИВ

Заведующая Отделом Лабади Библиотеки Мичиганского Университета мисс Agnes Inglis получила от Интернационального Института Социальной Истории в Амстердаме, Голландия, письмо от 2 ноября 1946 г., автор которого г-жа А. Адама ван Шелтена сообщила следующее:

"Не ответила на ваше письмо немедленно, потому что проф. Постумус (директор Института) был заграницей. Сейчас он вернулся и просил меня написать Вам. В течение войны я была единственным лицом, близко стоявшим к д-ру Максу Неттлау, который приходил регулярно раз в неделю обедать со мной, и я была при его кончине, когда он умер 23 июля 1944 года.

Немцы забрали все сокровища Института в октябре 1944 года. Я рада сообщить Вам, что д-р Неттлау не узнал факта, что его рукописи и личные письма были также отправлены в Германию. К счастью, мы имели возможность получить назад около 1.500 ящиков книг и документов Института. Мы надеемся, что в этих ящиках найдутся и бумаги д-ра Неттлау, но до сих пор ничего не знаем.

Д-р Неттлау в течение оккупации не испытывал затруднений: он жил в маленькой светлой комнате и проводил свои дни за чтением и писанием своих мемуаров. Он был одинок, но это не удручало его. Он был здоров, но однажды внезапно заболел и, спустя несколько дней, умер в госпитале."

К фотостату письма г-жи Шетлена мисс Инглис добавляет от себя:

"В моем письме к проф. Постумусу я говорила о рукописях Неттлау, присланных из "Пробуждения." Я выразил надежду, что Неттлау переживет войну и я смогу написать ему, что его рукописи презервированы, и что я хотела бы знать, жив ли он. Вы можете припомнить, что Нетлау в своей открытке из Вены от 15 апреля 1930 г. выразил желание чтобы его статьи по-английски были бы сохранены и служили бы подлинником для переводов в будущем, если это понадобится. В то время он написал статьи о Кропоткине и Реклю. Я всегда надеялась, что смогу уведомить его, что все его рукописи, присланные мне для хранения в Отделе Лабади, презервированы. Кроме рукописей Неттлау, присланных в "Пробуждение," отдел Лабади имеет рукописи, присланные Джозефом Когеном, бывшим редактором "Фрай Арбайтер Штиме," а также его переписка со Стефаном Фабияновичем. Я намерена составить список его работ, какие мы имеем в его рукописях, й сообщить в Амстердам.

"Одна из копий письма г-жи Шелтена (Фотостат) передана Рудольфу Рокеру, который осведомит людей, заинтересованных судьбой Неттлау. Возможно, что его рукописи найдутся среди материалов, находящихся в 1.500 ящиках, которые Институт получил назад.

"Комплекты журналов "Пробуждение" и "Дело Труда" переплетены."

Miss Agnes Inglis
Labadie Collection
University of Michigan Library
Ann Arbor, Mich., U. S. A.

International Institut voor Sociale Geschiedenis
Prof. N. W. Posthumus
Keizersgracht 294
Amsterdam C., Holland

# НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОЛОД

(Редакция "ДТП" будет приветствовать перепечатку данной статьи или части её русскими газетами и журналами. Ознакомление с нею иноязычных читателей тоже очень важно, ибо оно полезно освободительному делу, поэтому мы будем приветствовать всякого, кто попытается это сделать. Ссылка на наш журнал не обязательна.—РЕДАКЦИЯ.)

Многоуважаемый г. Максимов! К глубокому сожалению, мне только сейчас (28-X-47) попал № 21 журнала "Дело Труда-Пробуждение," в котором напечатана Ваша статья "Всероссийский Голод," произведшая на меня сильное впечатление своей горячностью. Побольше бы таких статей да на иностранных языках, дабы все народы знали о величайших в истории мира Зле и Обмане за железным занавесом и о грозящей им опасности с Востока.

Сейчас, быть-может, уже поздно писать по поводу этой статьи, но пусть это письмо будет не добавлением к ней, а как самостоятельный человеческий документ в море страдания нашего народа.

Вы пишете, что голод 1946 года был голод № 4. Фактически это был **большой** голод № 5 из постоянного, почти 30-летнего, недоедания. Не голодали только в годы НЕПа, а всё остальное время не доедали или голодали.

Я рассталась с Родиной в феврале 1942 года. Своего имени я открыть не могу, так как **все** мои родные остались там и будут нести ответ, если уже не несут, за мою "измену Родине," куда теперь вернуться не могу, так как в этом возвращении не будет **смысла:** я все равно никого из своих не увижу, никому пользы не принесу и, в лучшем случае, только увеличу число населения миллионных концлагерей, где через несколько месяцев умру от голода — "дойду," как там это называют, а вернее всего — меня уничтожат раньше. Увы, я слишком хорошо знаю условия жизни в концлагерях! Находясь здесь, я считаю, что для Родины и близких я принесу всё же больше пользы, чем на каторге в СССР.

Написать Вам я могу очень много. Скажу это словами одного еврея, который со свойственной восточному народу образностью определил: "Если все деревья в тайге превратить в ручки, а все реки в России — в чернила, то их не хватит, чтобы описать страдания русского народа." Оно так и есть доподлинно. Но здесь я задалась целью описать Вам ещё один большой голод в Советском Союзе, о котором почему-то никто не пишет, не говорит и как будто и не знает. О размерах его Вы можете судить по моему рассказу, так как цифровыми данными я не обладаю.

### Голод в Башкирии

Это были **1938, 1939 и 1940** годы. Я жила в г. Уфе — столице советской Башкирии. Жила не добровольно и потому избежать этого голода не могла. Почему и как я туда попала, — это история интересная сама по себе, но сейчас к теме неотносящаяся. Попав туда в 1935 году, мы (многие из Ленинграда, примерно 6.000 человек) поразились обилием продуктов на рынке и в госмагазинах по сравнению с Ленинградом. Всего было много и гораздо дешевле, чем в Ленинграде: мяса, масла, овощей, мёда. Всё это привозилось на грузовиках и возах из окрестных колхозов и совхозов. Рынок дышал изобилием. Колхозники привозили также продукты и со своих приусадебных участков. На рынке было всё дешевле, чем в госмагазинах, так как не было прибавки на содержание штатов, помещения, бутафории и наведения блеска, поэтому в госмагазины почти никто не заходил. Так продолжалось до 1938 года, который оказался первым годом засухи. За ним последовали 1939 и 1940 годы, тоже засушливые, т.е. три года подряд засухи, которая была на Волге и отчасти на Украине. Кроме того, 1940 год был годом усиленных госзапасов на войну. К 1940 году голод возрос до страшных размеров. Башкирская деревня дошла до того, что уже в ноябре 1939 г., не имея больше своего хлеба, вся потянулась в Уфу, единственное место, где был хлеб, куда эта же деревня сдала его по снятии урожая. Ведь в Уфе был весь правительственный аппарат и правительство автономной Башкирии, поэтому нельзя было оставить столицу без хлеба, который был рассчитан только на количество жителей города. Но о кормильцах последнего, о трудящихся на колхозных полях из окрестных деревень крестьян, власти не рассчитывали: они просто забыли о них.

Начались очереди за хлебом, которые к весне 1940 года достигли тысячных чисел. Я как-то стояла в очереди 1640-й у одного из хлебных магазинов. На рынке почти ничего не было, а то малое, что там продавалось на

граммы, стоило так дорого, что было доступно только тем, кто имел средства. Госмагазины понемногу закрывались, но многие из них были оставлены только для вида, а несколько прикасчиков, замерзая и потирая руки от холода (дров тоже не было), сидели за пустыми прилавками да играли в карты. **Всё** население Уфы и её окрестностей на сотни километров стояло на улицах в очередях за хлебом на 30-40 градусном морозе.

Делалось это так: в 6 часов утра люди занимали очередь и стояли пока каждому не поставят на руку его номер чернильным карандашем, что выполнялось активистами-инициаторами из публики. Номера доходили до 2-3 тысяч. Часов в восемь очередь расходилась по домам, наскоро завтракали, кормили семью и разъезжались по службам. В 4 часа пополудни все срывались со служб и мчались опять по своим очередям на перекличку. Опоздавшие становились в конец очереди. Поэтому перекличка всегда кончалась изменением номера, так как многие опаздывали, а некоторые не приходили.

Хлебный магазин, у которого стоит очередь в 2-3 тысячи человек, отпускал ежедневно человек 200-300, выдавая по 2 кг хлеба на человека. Значит, в первый день вы приближались к началу очереди на 200-300 номеров. На другий день та же история с перекличкой в 6 часу утра без приближения к магазину, в 4 часу вечера приближение с переписской номеров. В общем, после занятия очереди вы попадали в магазин на 3-й или на 4-й день стояния. Это значит, что каждых 3-4 дня можно было получить 2 кило хлеба на семью. Если вы один на семью добываете хлеб, то вы или члены вашей семьи должны занять очередь у двух или трех хлебных магазинов. Это только хлебная очередь, но есть ещё и другие очереди! Это был ад! Один из членов семьи не мог работать, он должен был только бегать по очередям, боясь пропустить свой номер здесь, а там опоздать на перекличку.

Все эти "неувязки" правительство Башкирии старалось свалить на крестьян, которые, дескать, лезут в город и мешают всему продовольственному плану. Оно повело с ними борьбу: полиция стала выгонять из очередей голодных, мерзнущих башкир-крестьян (кстати сказать, башкиры — очень симпатичный народ) — производителей этого хлеба, делала облавы и восстанавливала против них население города. Люди, голодные, спешащие, озлобленные, стоя на сильном морозе, делались зверьми. Сколько было драк и страшных жестокостей! . .

К весне 40 года смирились, затихли, обессилили. Колхозники приезжали в город в ужасном виде — опухшие от голода, чёрные от грязи (мыла совсем не было), тело **буквально** едва прикрытое грязными лохмотьями и все поголовно босиком. Сколько раз я видела на пристани реки Белой, как они сходили с парохода в своих лохмотьях и, не имея силы идти, садились тут же на площади и просили "кусочек хлебца." Умирали на улицах, в домах, в очередях, в доме крестьянина — везде. Это было **ужасно! . . И в это же время**, стоя в тысячной очереди, вы открывали газету "Красная Башкирия" и на первой странице читали крупные надписи: "По горам и долам цветущей Башкирии осчастливленный народ поёт хвалебные песни своему любимому, дорогому вождю, гениальному Сталину"!!!

Нет, той жизни нельзя описать: не хватит красок нарисовать весь ужас и мрак её и всё возмущение от лживых газет! На окраинах города население (большей частью ссыльные из Украины и Казахстана при коллективизации в 1930-32 годах), павшее на дно от нужды и горя, спивалось, покупая по 14 рублей литр водки, продавая для этого **всё** — до последнего стола и кровати, кончало самоубийством, вешалось или бросалось в реку Белую. Я сама видела таких и слышала о них в массе. Было полное отчаяние и безвыходность положения.

За 1939 и 1940 годы мы, население г. Уфы и окрестностей, не имели от госторговли ни одного грамма масла, сахара, чая, кофе, мяса, овощей, белого хлеба. День и ночь работали, как волы, набирая по несколько ставок, более 10 уроков в день, чтобы иметь возможность купить на рынке 100 граммов мяса, масла и т. п. Это делали квалифицированные работники. А чернорабочие? А колхозники? Они умирали или пьянствовали, продавая всё и обрекая себя и семью на нищенство и голодную смерть.

За весь период 1939 и 1940 годов мы не имели в госторговле ни одной пары чулков, носков, ботинок, галош, предметов одежды, белья, ниток, штопок, перчаток и т. д. Во что одеться? Рабочие, их семьи, колхозники ходили зимой в лаптях, летом — босиком с едва прикрытым лохмотьями телом. Мыла и соды совсем не было. Лекарства были, но в большой ограниченности. Так "процветала" Башкирия . . .

**Голод в других местах**

Каково же было положение в других местах Совсоюза? Я имела родных и много друзей не только в Ленинграде, но и в других городах СССР. Сначала наша семья и все мы, сосланные из Ленинграда, снабжались оттуда посылками от родных и друзей. Потом все продовольственные посылки из Ленинграда, Москвы, Киева были запрещены. Тогда мы написали нашим друзьям в Калинин (Тверь), в Харьков, в один колхоз Днепропетровской области и во Владикавказ. Из Калинина, Харькова и колхоза на Украине нам ответили, что им не то, что послать, но и самим есть нечего и что очереди верстовые стоят на улицах за хлебом. Из Владикавказа прислали маленькую посылочку из сушеных фруктов и немного сала. Это было всё. Отовсюду нам писали, что голод, голод и голод. Только в Ленинграде и в Москве в это время магазины и ларьки ломались от обилия яств, одежды и предметов роскоши. Но у населения не было денег всё это покупать, поэтому, как у своих, так и у иностранцев создавалось впечатление обилия. Но об этом потом.

Летом 1939 г. мне пришлось ехать на пароходе "Люксус" ("пловучий дом отдыха") из Уфы в Москву. Этот пароход, с тремя классами пассажиров, отправляется из Москвы по рекам: Москва, Ока, Волга, Кама, Белая — до Уфы и тем же путем обратно в г. Москву. В такой поездке на нем москвичи проводили свой отпуск. Это могли себе позволить только хорошо зарабатывающие люди — "советская аристократия." Путешествие в оба конца длилось 20 стуток. На палубе I и II класса — нарядно одетая, "отдыхающая" публика, в большинстве причастная к госторговле, ела и пила по безумно-дорогим ценам буфета и не стеснялась в средствах. Я же не могла себе этого позволить и рассчитывала только на рыбу и молоко на пристанях. За это награждалась страшным презрением со стороны буфетной прислуги. (Это в безклассовом, социалистическом, демократическом государстве!). Однако, за всё путешествие по пяти рекам я не видала **ни одной** продающейся рыбы, ни одного литра молока, ни одного фунта масла — **ничего** из продовольствия на пристанях не было! Голодное, бедное, обтрепанное население с завистью смотрело на нарядную, сытую публику из Москвы. То же настроение царило и среди голодных пассажиров III класса, валявшихся вповалку в нижней части парохода и смиренно слушавших грозные на них окрики пароходной прислуги. Эти люди ехали не для удовольствия и отдыха, а по нужде, большей частью в поисках продовольствия.

Отбыв срок своей ссылки в конце июня 1940 года, 1 июля я села в Уфе на поезд, чтобы попасть опять в Ленинград по маршруту: Уфа, Ульяновск (Симбирск), Рязань, Москва и Ленинград. Из Уфы до Москвы поезд идет трое суток. Меня предупредили, что на дорогу надо взять провизии, так как на станциях — хоть шаром покати. Я запаслась 4 кило хлеба (нас ехало двое), достала 4 яйца, 200 грамов масла и немножко мёду. Больше ничего купить в Уфе не могла, так как не было ни сил, ни возможностей заработать столько, чтобы позволить себе больше, хотя и добытое стоило мне стольких сил и бессонных ночей! Железно-дорожный билет стоил безумно дорого — 130 рублей до Ленинграда: это 10 дней моей усиленной работы! Наш поезд останавливался на каждой станции, голодная толпа пассажиров выбегала в поисках еды, но ничего не находила. Их встречали голодные местные жители (рабочие, большей частью — крестьяне и ж-д служащие), пришедшие с надеждой что-нибудь получить от проезжающих пассажиров. Буфеты станций либо были пусты, либо заколочены, пристанционный рынок тоже пуст, за платформами — молчаливо-любопытная, праздная толпа голодных, ободранных и грязных людей. Да и что может делать голодный человек? Что может делать колхозник без семян, без плуга и без скота, который пал от безкормицы? Да и для чего работать, коли все равно голод? Детишки через забор протягивали грязные ручонки, прося дать кусочек хлебца. Этот "кусочек хлебца" стоит вечным шумом в ушах.

А самое страшное другое: как только поезд останавливался, из-под всех вагонов вылезали беспризорники. Они ехали с поездом в Москву, помещаясь в ящиках под вагонами. Главная цель их — поесть, каким угодно путём, достать этот "кусочек хлебца": нищенством, воровством, случаем. Их участь в Уфе — голодная смерть; желание жить заставляет их ехать в богатую, сытую Москву. Родителей у них нет. Большинство из них — дети жертв коллективизации, которые были либо сосланы, либо расстреляны, либо пропали без вести, покончили самоубийством, либо спились. Терять беспризорникам нечего, ибо нет у них ни угла, ни родных. Они едут по всем нправлениям Союза со всеми поездами и вылезают на остановках. Поездная прислуга и местная милиция

так привыкли к этому явлению, что стараются делать вид, что не замечают их. Они вылезают грязные, чёрные до неузнаваемости: только белки глаз и зубы блестят белизной. Всё это мальчики (редко девочки) лет 10-17. Они протягивают грязные руки к окнам вагонов и глазами умоляют дать им поесть. Надо иметь каменное сердце, чтобы не подать и не поделиться своими скудными запасами. Это и делает публика.

Особенно жуткое впечатление производят эти остановки вечером и ночью, так как станции слабо освещены из-за отсутствия или очень слабого электрического тока, очень малого количества лампочек "Ильича" и почти отсутствия керосина. Даже в Уфе, где башкирская нефть била в 40 клм — "Второе Баку" (от источников шел нефтепровод до Уфы, где был сооружен нефтеочистительный завод) — мы в пургу и морозы стояли по 3-4 часа в очередях за керосином! При сигнале об отходе поезда все эти беспризорники бросались по своим ящикам под вагонами, голодные пассажиры по своим местам и поезд медленно отходил от бедной, голодной станции, шел по необозримой степи, с плохо обработанными колхозными полями, на которых изредка виднелись ободранные, апатичные колхозники, нехотя и вяло работавшие на ненавистных колхозных полях. Изредка виднелись деревни с запущенными садами, разваленными заборами и избами, часто без крыш, так как солома вся скормлена голодной скотине весной. Убогая, жалкая картина человеческого горя и обнищания . . .

### Изобилие в Москве

На третьи сутки, часов в 8 вечера, мы приехали в Москву. Вышли с Казанского вокзала на громадную, ярко освещенную, оживленную Вокзальную площадь. Первым долгом все бросились в магазины, которые поразили нас, приехавших из голодной и нищей провинции, своим изобилием, богатством и блеском. Нет только птичьего молока! Набросились на булки, масло, сыр, колбасу. Всё это казалось нам какими-то райскими яствами. Этот разительный контраст между голодной, оборванной, грязной, убогой и вымирающей Башкирией и оживленной, сытой, богатой столицей подчеркивал вопиющее **неравенство** советского режима.

### На 101-ой версте

Жить нам в Ленинграде не позволили. Мы, как ссыльные, отбывшие срок ссылки, должны были жить далее ста километров от Ленинграда. Это называлось "жить на 101 версте." Мы выбрали Новгород и поселились там, но с каким трудом! Продовольствием хорошо снабжался только Ленинград и его районы, а все другие районы снабжались чуть-чуть лучше Уфы. Каждую субботу вечерний поезд, отходивший в 10 часов из Новгорода в Ленинград, был битком набит едущими за "едой" или "жратвой." Прибывал он в Ленинград в воскресенье утром. Здесь люди бегали по магазинам и, нагруженные на всю неделю провизией, осаждали Новгородский вечерний поезд на Варшавском вокзале, чтобы в понедельник быть на месте к утренней службе. Каждый день после службы все бегали по магазинам в поисках "жратвы," так как привезенного из Ленинграда не хватало, чтобы прожить с семьей сытыми всю неделю. Стояли опять в очередях, изыскивали всякие средства, чтобы не голодать. Выручала только близость к Ленинграду, который буквально осаждался не только окрестными жителями, но и приезжими из далека: Украины, Поволжья, Крыма и т. д. Магазины были недоступны от толп покупающего народа, поезда из Ленинграда отходили набитые людьми, везущими продовольствие в багаже и с собой в вагоне. Посылки по почте, как я уже упоминала, были запрещены, поэтому публика должна была сама приезжать за провизией.

Правительство всё это учло и в один прекрасный день расставило по всем вокзалам заградительные отряды, которые сначала осматривали только ручной багаж, а впоследствии и в багажном вагоне, и стали забирать ВСЮ провизию, не оставляя ничего даже на дорогу. Как всегда, публика сначала боролась, обманывала, маскировалась, но правительство всё больше налегало: ощупывали, отнимали, арестовывали и ссылали за "панику," за "вредительство," за "недоверие к правительству." Народ стал исчезать, смирился и предпочёл голодать и умирать с голоду у себя дома, чем "доходить" в концлагерях на Дальнем Востоке. У нас всё так кончается. Но я до самой войны умудрялась скрыто провозить продовльствие из Ленинграда в Чудово (приблизительно 100 км) и оттуда отправлять его **посылками в два** концлагеря, куда были сосланы мой брат и мой сын, которые давно умерли бы с голода, еслибы я не поддерживала их сначала из Уфы, а потом из Ленинграда. Чего это мне стоило в смысле денег, трудов, времени, сил и нервов! Только мать или очень близкий человек способен на всё это. Теперь, огляды-

ваясь назад, я вижу в этом божье чудо, так как иначе объяснить и понять то, что мы остались там живы, не умерли с голода и помогали нашим людям в концлагерях.

Теперь судите сами, был ли голод в России в 1938-1940 годах. В то время, когда в стране не было ни грамма масла (в Москве и Ленинграде продавали не больше 200 граммов на покупателя в 40-41 годах), заводы Западной Сибири и Башкирии были полны масла, которое правительство запретило пустить в продажу. Оно шло "на нужды армии," так как мы "находились в капиталистическом окружении." Об этом трубили по радио, в газетах, на докладах и т. д. Почти всё молоко от тощих колхозных и единоличных коров крестьяне свозили на сливочные пункты, оно пропускалось в сепаратор, а затем снятое синее молоко везли домой и пили. Хлеб и лепешки пекли из отрубей и жмыхи, прибавляя к ним лебеду и мох, а в лучшем случае — картофель. Но и этих драгоценных продуктов не было. Лошади в колхозных конюшнях стояли, подвешенные ремнями, а коров просто резали, мясо продавали на рынке по 15-18 рублей за кило — это больше, чем дневной заработок рабочего. Мясо могли есть только избранные. Сколько народа умерло за эти 3 года? При таком состоянии продовольствия пришла война и немецкая оккупация.

### Голод под Немцами

Красноармейцы, отступая и сдаваясь в плен, говорили: "За что мы будем воевать: за Сталина? за голод? за колхозы? за прикрепление к заводам? за НКВД?" Еслибы не страх перед неизвестностью (а потом, увы, перед ужасами) в немецком плену, то сдавались бы все, даже войска НКВД, так как и они были недовольны и жили в страхе, хотя не в голоде.

Когда германская армия оккупировала окрестности Ленинграда, то в магазинах и складах не оказалось **никаких** продовольственных запасов. Перед приходом немцев совправительство трубило во-всю, требуя от колхозов досрочной уборки и сдачи урожая государству. Колхозники тянули и, что могли, не сдавали. Когда колхозное и совхозное начальство удирало, увозя с собою кое-какие запасы и часть лучшего скота, население бросало им вслед камни, крича: "Кровопийцы! Душегубы! Крепостники!" Безумствовали от радости, что "навсегда" избавились от "советчиков" и бросились делить урожай и колхозный инвентарь.

Немцы пришли 17 сентября 1941 г. Картошка и овощи были ещё не сняты с полей. Они не позволили населению снять урожай, а собрали его сами для себя, хлеб тоже отобрали у крестьян, поэтому население не долго пировало. Через месяц начался уже голод военный, оккупационный, который к декабрю 1941 года достиг грандиозных размеров: не было улицы и квартиры, где бы не лежали огромными массами умершие от голода... Их не хоронили, так как умерших было большое множество, а живые были слишком слабы; их донимали ещё пурга и сильный мороз.

### Выводы

Таковы страдания нашего народа только от голода. А сколько ещё других страданий! Террор, закрепощение — физическое и духовное . . . А сейчас разве мы не продолжаем страдать, бояться и безумно тосковать по Родине и по близким, оставшимся там?! . . . Я бы много могла написать, если это Вас интересует.

Хочу ещё сказать несколько слов о Вашем призыве помочь голодным, вымолить у совправительства разрешение доставлять населению России продуктовые посылки. Совправительство никогда на это не согласится. Ведь цель его достичь **мирового господства.** Перед этим меркнет всё. Народ же только путь и средство для достижения господства. Для народа нужна только пропаганда внутри страны и заграницей. Народ — это рабочий скот, служащий делу пропаганды и господства большевизма. Народ строит грандиозные сооружения, о которых большевизм орет, что это стройка компартии и правительства. Народ наряжают в разные одежды, с ним якобы цацкаются и тогда кричат о самой совершенной демократии. А за кулисами "сталинской конституции" народ гибнет, умирает от истощения, переутомления и голода; сумасшедшие дома переполняются людьми, лишившимися рассудка от страха, насилия, террора, порабощения и горя; концлагери, куда загнано не 20, а 40 миллионов человек* и где творятся невиданные в мире жестокости, стоном стонут от изнурения: там люди "доходят" сотнями тысяч.

* Эта цифра, конечно, преувеличена, но она представляет интерес с психологической стороны и еще как показатель размаха террора.

По нашему мнению, которого мы держимся **с первых дней большевистской контр-революции**—(первый выстрел по революционному Кронштадту 27 лет тому назад)—вся страна является концентрационным лагерем, а концлагери и тюрьмы в ней — карцеры и инквизиционные камеры.—РЕДАКЦИЯ.

Совправительству всё это безразлично: народа в России хватает и на смену мертвым рабам высылаются новые.

Поймите, народ в СССР — **рабочая скотина,** вечные рабы, а небольшая часть — актеры, играющие свои роли в пьесе "Демократизм." Последние живут хорошо, сыто, весело и пьяно, но . . . не без страха, так как при первой же малейшей ошибке они тоже летят в преисподнюю. На смену им выдвигаются новые стахановцы, орденоносцы, лауреаты и т. д. Но я, кажется, отошла от темы.

Итак, совправительство ни за что не возьмет ни единой подачки от "проклятых капиталистов" для своего народа, ибо оно больше всего на свете боится, чтобы этот **народраб** не увидал и как-нибудь не почувствовал, что вне СССР, хоть на каплю, живется лучше, чем в "советском раю под солнцем сталинской конституции." Ведь это может опровергнуть всю его рьяную пропаганду, всю грандиозную постройку из беззастенчивой **лжи** и наглого **обмана,** которую оно строило 30 лет. По комагитке живется сытно, тепло, свободно и весело только в "стране советов," в "стране победившего социализма," а заграницей, в буржуазных странах, а особенно в США, народ задавлен капитализмом, порабощен, бесправен, измучен, голоден, самое главное — голоден. А Вы хотите вдруг этому "счастливому, сытому да вольготному, "советскому" народу, блаженствующему в единственной стране социализма, не страдающей никакими кризисами, посылать посылки с продовольствием! Этого Сталин **никогда** не разрешит, даже в том случае, еслибы вымерло от голода половина население России . . .

* * *

Очень прошу Вас, г. Максимов, напечатать мое письмо не только в русском журнале, но и в американских газетах на английском и других языках. Пусть **все** знают правду о большевицких "советах" и не тешат себя иллюзиями. Надо кричать на весь мир об ужасах, творящихся за железным завесом. Это обязанность всех честных борцов за свободу и особенно нас, вырвавшихся оттуда. Там весь народ хочет кричать, но не смеет пикнуть . . .

С почтением **М. Петрова**

# ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ХРОНИКА

## БОЛЬШЕВИСТСКИЕ КОНЦЛАГЕРИ В БОЛГАРИИ

**Рабство. Голод. Пытки.**

Все буквы нашего алфавита не могут дать полной картины концлагерей в нашей стране, которые имеют целью уничтожение человека и его свободы. Вместе с нашими товарищами в концлагерях находятся тысячи других болгар. Мы дадим несколько фактов и примеров, по которым вы можете судить о действительности.

Лагери состоят из двухкрылых бараков, построенных из дерева и земляного кирпича. Кровати — одна над другой — два метра в длину и 40 сантиметров в ширину. Заключенный должен положить на эту кровать свои вещи и спать с ними. С первого дня заключения он может прекрасно познать характер концлагеря. О гигиене говорить не приходится из-за недостатка воды. В большинстве случаев вода приносится издалека и её недостаточно для питья. Большое событие, когда представится возможность вымыть бельё, — вещь возможная не для всякого. Только самые сильные способны раз в месяц или в два вымыть своё бельё. Медицинская помощь оказывается по декрету: врачам запрещено приписывать отдых всем нуждающимся в нем, а только установленному проценту. Например, в лагере Куциян только 1% больных, нуждающихся в отдыхе, могут получить его.

Качество пищи неописуемо. В Куциянском лагере, расположенном недалеко от г. Перника, где шахтенные работы очень тяжелы и нездоровы, выдается 600 граммов хлеба в день и суп, называемый хорба, что, конечно, не дает достаточно калорий. В течение многих месяцев ничего, кроме самого скверного качества капусты, не варилось в лагерях Болгарии, как говорят свидетели. "Большая часть нашего пайка жиров и сахара забирается лагерной стражей," заявил недавно освободженный повар. Пища для тысячи человек варится в котле, рассчитанном на 200-250. То же самое и в лагере Богдановдол: здесь в котле на 70-80 человека пища варится для 150-200. Заключенные работают на производстве кирпича по 15 часов в сутки. Положение в этих лагерях особенно плохо, так как с 1 января пищевые и одежные посылки для заключенных запрещены.

Плохие жилищные и продовольственные условия — не единственная причина, от которой страдают заключенные. Количество работы, требумое от заключенного, непосильно, больше того, работа сопровождается бесчеловечной системой наказания. В этом отношении указанные концлагери самые ужасные. Куциянский лагерь известен, как "Ласка Смерти," а Богдановдольский—"Лагерь Теней." Особенно плохо обращаются с анархистами: их часто заставляют работать по 36 часов без перерыва; 12-16-часовый день — нармальная вещь. Люди часто падают от голода и усталости. Имелись случаи смерти, несмотря на практику освобождения умирающих, дабы они умирали дома, а не в лагере.

Наказания настолько ужасны, что не поддаются описанию. В дополнение к битью, увеличению норм работы и заключению на нескольких месяцев в тюрьму, практикуется гнусное наказание "считать звезды." На открытом воздухе, в дождь, мороз и снег, заключенного заставляют стоять на вытяжку перед стражей всю ночь. Это наказание применяется последовательно от одной до 10 ночей, днем же наказуемый должен работать. К этому наказанию прибегают при самом ничтожном поводе: одному нашему товарищу приказано было "считать звезды" потому, что он снял инвалида с работы и положил в кровать; другой пожилой товарищ получил три ночи за то, что в полдень, во время еды, не встал перед лагерным офицером, когда он проходил по корридору.

Часто применяются коллективные наказания: за ошибку одного заключенного могут быть наказаны — группа, бараки и весь лагерь. Например, по распоряжению сверху был уничтожен анархический коллектив и все средства существования конфискованы. В одном только сентябре (1947) у коллектива было отнято около 100 кило продовольствия.

Сказанное о болгарских истребительных лагерях требует, для полноты картины, добавочных деталей. Несколько месяцев тому назад в лагере Куциян в течение почти двух месяцев содержались двое 14-летних детей. В Богдановдоле и Куцияне до сих пор содержатся 10 турецких детей 15-17 летнего возраста и старики, которым по 60-70 лет.

Ныне в Болгарии, как в Испании Франко и в монархо-фашистской Греции, царит режим террора и нестерпимого насилия. Заключение в лагери наших товарищей продолжается и теперь это делается без предъявления каких бы то ни было обвинений.

"Кто не с нами, тот враг народа," — заявил недавно болгарский министр, — "и против них мы должны бороться беспощадно." Теперь достаточно быть не только анархистом, но просто честным человеком и отказаться признать новых господ или белое за черное, чтобы вас заклеймили "врагом народа," "саботажником," "агитатором" и взяли вас из дому, оторвав от семьи.

Свободомыслящие люди мира должны поднять голос протеста против этих преступлений. Мы просим довести до их сведения все эти факты, чтобы они могли восстать вместе с нами против большевицкого мясничества. Долой маскарад фальшивого коммунизма и фальшивых коммунистов.

Болгария. Январь, 1948 г.

Передано Подсекретариатом Международного Товарищества Рабочих для Западной Европы.

Временный Секретарь **Бернард Пу.**

## Неполный Список Анархистов и Анархо-Синдикалистов, находящихся в концлагерях Болгарии

1. Александр Димитров АЛЕКСЕЕВ, 28 лет, студент инженерного отделения из Исвор-Радомирско. Был осужден фашистами и до 9 сентября 1945 г. провел полутора года в рабочих батальонах Болгарии. История повторилась при большевицком режиме. В 1945 г. этот товарищ просидел около 6 месяцев в лагере "Дупница" и теперь опять, уже 9 месяцев, заключен в лагерь Перника за принадлежность к анархической студенческой организации и за участие в мартовском (1947) студенческом движении против декрета, ограничавшего академическую свободу студенчества.

2. Атанас Димитров МЕЧКАРОВ, 28 лет, из Потраво-Свети-Врачко. Учитель, скромный анархист, пользовавшийся симпатией учеников. Признав его "опасным," большевицкие власти интернировали его. Уже 1,5 года находится в лагере Богдановдол.

3. Андон ДОМУСЧИЕВ, токарь, из Ямбола. Месяц тому назад брошен в лагерь Куциян за то, что отставивал в родном городе свободный профсоюз рабочих.

4. Василий Тодоров ЯРДАНОВ, 44 лет, печатник-анархист. Прошел долгие годы нелегальности и ссылки при фашистском режиме, два раза был судим фашистами. Вышел из тюрьмы 9 сентября 1945 года. Последние 9 месяцев находится в лагере Куциян, куда был брошен за пропаганду анархо-синдикализма в Софии.

5. Венцеслав Иванов БРАНДОВ, 25 лет, студент из Высока-Могила-Дупничко. Последние 7 месяцев находится в заключении в лагере Куциян за то, что вместе с другими товарищами распространял брошюру, посвященную годовщине великого болгарского поэта и анархиста Кристо Ботева.

6. Василий Ланков ИВАНОВ, пекарь. После 9 сентября 1945 г. (день свержения фашизма) организовал кооперативное производство хлеба в Ямболе с населением в 26,444 человек. Долголетний борец за свободу и социальную справедливость. Много раз

арестовывался фашистами и большевиками. Уже месяц, как заточен в Куциян, потому что критиковал некоторых пекарей-коммунистов.

7. Георгий Димитров КУРТОВ (Карамихайлов), журналист, бывший редактор газеты "Рабочая Мысль." Много лет провел в фашистских тюрьмах. Второй раз брошен в Куциян, где находится последние 6 месяцев, за то, что писал статьи для заграничных анархических изданий.

8. Дончо Кристов КАРАВАНОВ, 26 лет, студент медицинского факультета. Подвергнутый жестоким пыткам, был приговорен фашистами к смерти. Отважный борец. В Куцияне и Тордораво (провинция Силистрия) уже 9 месяцев. Брошен в заключение за то, что принимал участие в студенческом протесте проти декрета, ставшего законом, ограничивающим академическую свободу студентов.

9. Дончо МАНДОВ, 26 лет. Фашисты запрещали ему посещать школу, а большевики во второй раз законопатили его в Куциян за анархические убеждения.

10. Долчо ВАСИЛЕВ, 42 лет, из Гаскобо. Журналист и критик, вегетарианец. Фашисты убили его брата, а большевики решили убить его. Они заточили его в Куциян за то, что на публичном митинге он говорил в защиту анархизма.

11. Геласко Миланов РУСЕВ, студент-медик. Много раз был арестован и пытаем фашистами. Большевиками брошен в лагерь смерти — Куциян, где находится уже 9 месяцев, за то, что принимал участие в мартовском движении против декрета.

12. Илья Димитров МЕЧКАРОВ, 21 года, анархист, принимал участие в антифашистской борьбе в качестве партизана. Как и его брат, он два последних года находится в заключении в лагере теней — Богдановдол. Его обвиняли в убийстве большевика и, хотя большевик-судья оправдал его, его держат в заточении.

13. Костадин Димитров КОЧИНОВ, 27 лет, из Ямбола, студент-архитектор. Провел 2 с пол. года в фашистских тюрьмах за участие в военном заговоре против фашизма в 1942 году. В Куцияне находится уже 9 месяцев. Брошен он туда за то, что осмелился протестовать тлеграфно, послав депешу членам правительства, когда были арестованы студенты-анархисты.

14. Коста АТАНАСОВ, 46 лет, рабочий табачной фабрики в Филиппополе, ставший туберкулезным вследствие преследования и ссылки при фашистском режиме. Пользовался уважением рабочих за свои речи и анархическое поведение. За это большевики заточили его в Куциян, где он находится уже 6 месяцев.

15. Костодин Ильев ЗАЯРИНОВ, 28 лет, из Падомира, студент-электрик. Больше года числился на черном листу фашистского режима. Большевики бросили его в Куциян, где он находится в заключении уже 7 месяцев только за то, что распространял листовки, посвященные годовщине поэта Ботева.

16. Колио Стоянов КАРДЯЛИЙСКИЙ, 25 лет, студент-химик из д. Мильгальцы-Карловско. Интернирован в Куциян, где сидит уже 7 месяцев за попытку бросить памфлеты на могилу учителя-анархиста и поэта Кристо Ботева.

17. Манол Васев НИКОЛОВ из Гасково, 49 лет, рабочий табачной монополии. Пылкий оратор и пропагандист анархизма, провел 23 года в нелегальности, преследовался и судился фашистами. Эти преследования лишь разжигали его героическую борьбу, а его речи делали более страстными. Фашисты интернировали его три раза, месяц назад большевики бросили его в Куциян.

18. Михаил Стоянов МИНДОВ, 29 лет, из Нова Загора, типографский рабочий. Интернирован во второй раз 9 месяцев назад за напечатание бюллетеня и листовок Федерации Анархистов-Коммунистов.

19. Николина Ефимов ГВЕРГУЕВ, 23 лет, из Гасково, типографский работник. После страшных избиений и пыток, учиненных большевиками, интернирован, 3 месяца назад, в Наярево-Тутраканско. Его "преступление" заключалось в том, что он помогал интернированным товарищам.

20. Славейко Иванов СТОЯНОВ, студент-химик, партизан до 9 сентября 1945 г. Последние 9 месяцев в Куцияне за то, что говорил против декрета в марте 1947 г.

21. Стефан Златев КРЕСТЕВ, библиотекарь. При фашистском режиме просидел в тюрьме 11,5 лет, три года — под смертным приговором. Здоровье расстроено. Несколько раз был арестован и интернирован большевиками. Уже месяц, как заточен в Куциян только за то, что анархист.

22. Тасе Андонов ДОЙЧИНОВ, студент-медик, брат убитого гитлеровцами Зиновия Дойчинова. Последние 7 месяцев находится на принудительных работах в Куцияне за то, что бросил листовки на могилу поэта Ботева.

23. Кристо Колев ИОРДАНОВ, 37 лет, техник из Софии. Три раза приговаривался фашистами на разные сроки к тюремному заключению до 9 сентября 1945 г. Два раза был интернирован со дня захвата власти большевиками. Ныне в Куцияне.

24. Кристо МИНКОВ, крестьянин из Баниа, Карловско. Как анархист, брошен в Куциян.

25. Кристо КОЛЕВ, 21 года. Арестовался несколько раз большевиками, а месяц назад брошен ими в Куциян, как анархист.

26. Стефан КОТАКОВ из Пловдива.

27. Станас ДИМИТРОВ из Стара Загора.

28. Иван КОЛЕВ из Карловско.

29. Коеза КАРАКОСТОВ из Нова Загора.

30. Теодор АРНАУДОВ, школьный инспектор из Неврокопа, 2 года в заключении.

31. Станко Засаров ФИЛКОВ, учитель из Радомирско.

Кроме перечисленных, масса других товарищей брошены в концлагери Куциян, Богдановдол (близь Перника), Ноярево, Тадорово, Босна, а также в концлагери в Добрудже и в других частях Болгарии.

Болгария. Январь, 1948 г.

## Обращение Подсекретариата М. Т. Р. для Западной Европы

Лион, Франция, 18-2-48

На последнем собрании Подсекретариат М. Т. Р. для Западной Европы постановил организовать "Подкомиссию Помощи Болгарам."

Это решение было принято после всестороннего изучения положения в Болгарии, создавшегося в результате коммунистического "путча" на Балканах. Оно продиктовано необходимостью придти на помощь анархистам и анархо-синдикалистам, которые особенно преследуются и которым угрожает

смерть от руки сталинцев, терроризирующих завоеванные страны, тем же способом и в той же степени, в которой они терроризируют русский народ.

Наше воззвание в пользу болгарских товарищей было встречено тепло и, благодаря полученной моральной и материальной помощи, **некоторые из наших болгарских товарищей спасли свою жизнь.** Мы просим вас приложить еще больше усилий, чтобы спасти других.

В целях лучшей работы, достижения более эффектной международной рабочей солидарности и получения лучших результатов, Подсекретариат М. Т. Р. для Западной Европы, как мы уже говорили вам, назначил членов в указанную выше комиссию. Это следующие товарищи: **Анри Буйе** (Henri Bouye), член Подсекретариата, делегат французской Национальной Конфедерации Труда, Болгарская делегация во Франции, имена членов которой не могут быть названы по понятным причинам; **Рене Ламберт** (Renee Lamberet) — делегат французской Н. К. Т.; **Валерио Мас** (Valerio Mas), от испанского либертарного движения, **Эстер Хозе** (Ester Jose) и **Лоран** (Laurent).

Эта комиссия сдала в печать брошюру **"Болгарская эпопея,"** которая будет продаваться по каналам французской Н. К. Т. исключительно в пользу болгарских товарищей. Все заказы на эту брошюру должны направляться к тов. Дюран: Durand, 39 rue de la Tour d'Auvergne, Paris IX.

Брошюра содержит 32 документированных страниц о Болгарии, о преследовании ее народа, который, как испанский, сопротивляется всем системам угнетения. Последние сведения из Болгарии говорят, что преследования с каждым днем становятся более кровавыми и жестокими, следовательно, мы настаиваем помочь этим товарищам, борющимся против ком-диктатуры за всестороннюю свободу всех народов; вы должны проявить всю вашу солидарность.

За Подсекрет. М.Т.Р. для Зап. Европы
Временный секретарь
**Бернард Пу (Bernard Pou)**

---

## РОЗЫСКИ

Владимир ДУБОВЕЦ ищет дядю (брата матери) Николая Ефимовича ЮДИЦКОГО, уехавшего перед первой мировой войной в Аргентину, где занимался с-х и скотоводством. Юдицкие жили на хуторе Зеленый Мох на Полесье в Белоруссии.

Валентина МОСКАЛЕНКО из г. Екатеринослава просит своих земляков и землячек, находящихся в Южной и Северной Америке, написать ей.

Адреса разыскивающих в редакции.

# ИСПАНЦЫ НА КАТОРГЕ В СССР

**Испанское либертарное движение**
**Интернациональная комиссия**

Циркуляр № 9, Тулуза, дек. 31. 47

"Дело Труда," Нью Иорк.

Дорогие Товарищи!

При сем прилагаем сообщение Испанской Федерации Политических Интернированных и Депортированных, касающееся скандального и бесчеловечного интернирования правительством СССР испанских антифашистов, которые в результате событий, связанных с испанской революцией и войной, оказались в России, когда началась Вторая Мировая Война.

Интернированные в Караганде являются еще одним доказательством тоталитарного сумасшествия. Это еще одно основание прибавленное большевистским государством к множеству других, почему революционным рабочим должно быть показано что в действительности представляет собою сталинский рай. Либертарная пресса взяла на себя вопрос об интернированных и будет работать над ним до окончательного его разрешения в порядке публичной кампании.

Что касается нас, то мы готовы кооперировать в предпринятии шагов для освобождения этой группы испанцев, страдающих от заключения, голода, холода и несказанной нищеты. Мы собираем все возможные данные, касающиеся тех, имена которых известны, в целях использования их для указанной цели.

Поэтому мы просим товарищей нашего движения дать нам все данные, которые могут иметься в их распоряжении, касающиеся лиц, имена которых опубликованы в списке Испанской Федерации Политических Интернированных и Депортованных и в Парижском "Solidaridad Obrera."

Нам так-же кажется уместным начать кампанию агитации против преступления, совершаемого СССР против человечности, жертвой которого являются испанские анти-фашисты, интернированные в Караганде.

Мы верим, что заинтересуетесь в приведенных выше рекомендациях и что вы начнете действовать в указанном направлении.

Остаемся с братским приветом
Интернациональная комиссия
Секретарь **Ф. Еррера**

(Печать)

**Испанская Федерация Политических Интернированных и Депортированных**

Париж, декабрь 10, 1947

Дорогие товарищи!

Мы считаем, что нужно подробно остановиться на обстоятельствах и происхождении проблемы, которая побуждает нас писать вам это письмо, потому что мы знаем, что в течение последних месяцев все вы слыхали, что около 60 наших соотечественников находятся в концентрационном лагере Караганды, в СССР, а именно, 60 из тех, кто по разным причинам случайно оказались в этой стране, когда наша война окончилась.

Наше соображение, на основании которого мы опять обращаем ваше внимание на это дело, следующие:

Несмотря на значительное географическое расстояние, отделяющее нас от заключенных, несмотря на молчание НКВД, до нашего слуха дошел новый крик муки и страдания, новый призыв к солидарности и помощи, новый патетический призыв о спасении, только что посланный нашими несчастными соотечественниками, совершенно брошенными на произвол судьбы. Этот крик передан нам человеком, разделявшим с ними в течение ряда лет голгофу, который только что освобожден.

На этот раз информация и свидетельские показания пришли к нам из заграницы. Счастливый человек, являющийся нашим связующим звеном, — чехословак, который, сейчас же по своем прибытии, не теряя времени и усилий, связался с испанскими анти-фашистскими организациями и личностями и передал им информацию, рисующую отчаянное положение наших соотечественников.

Его информация, в общем, ничего нового не дает, а только подтверждает все, что сказано было раньше в репорте госпожи К. и Франциско Борнет, оба французы, оба освобождены в последние месяцы прошлого года из ада, в котором их мучили непрерывно в течение пяти лет. Он, между прочим, рассказал нам, что около 20 наших соотечественников умерли прошлой зимой (1947) от чрезмерного холода и от непрерывных пыток жестокого режима, которому они были подвергнуты с 1941 года. Он боится, что, если остальные не будут освобождены немедленно, никто из них не переживет другой зимы, особенно если она будет такой же суровой, как последняя. Их здоровье в высшей степени расшатано, а душевное состояние очень угнетенное, что и нужно было ожидать после шести лет жизни в ужасных условиях.

Как только наша Федерация узнала об их существовании и об ужасных условиях, в которых они живут, мы не пожалели ни времени, ни усилий и немедленно предприняли шаги во всех направлениях, чтобы вырвать их как можно скорее и в тоже самое время сделать что-либо для облегчения их участи.

Мы написали г. Молотову, министру иностранных дел СССР, требуя исправить зло и освободить наших соотечественников.

Из других источников мы получили полную и детальную информацию, на основе которой мы составили доклад и послали Интернациональному Красному Кресту в Женеве, Швейцария, приложив к нему фотографические копии документов, имеющих подпись одного из интернированных — Хозе Рамеро Каррейрас, из Оренсе. Это было известно Швейцарскому министру во Франции и г. Бидо, французскому Министру Иностранных Дел. Мы вошли в сношение со всеми дипломатами и организациями, которые могут помочь нам в наших усилиях, которые приостановятся только после достижения успеха. Мы также написали непосредственно одному из заключенных, но до сих пор не знаем, получлось письмо — или нет.

Для того, чтобы мы могли продолжать наши попытки, мы просим вашей помощи и сотрудничества, в которых, мы уверены, вы не откажете — в этом основная цель посылки вам данного призыва.

Нам известны имена заключенных, хотя список неполный и составлен по-памяти. А так как "товарищ" Урибе, член компартии, будучи министром правительства Республики в Париже, однажды заявил, "что правительство не имеет основания быть заинтересованным в группе фашистов, то необходимо, чтобы различные организации опознали заключенных и поручились за всех тех, кто принадлежал к ним в Испании и кто был достоин этой организации. Для этой цели ниже мы даем список заключенных.

Мы верим, что вы понимаете всю серьёзность и безотлагательность дела и что не пожалеете усилий в принятии необходимых шагов для достижения поставленной выше цели. В надежде услышать вас остаемся братски ваши за освобождение нашего народа, все еще находящегося в цепях.

Секретарь по расследованию **Эстер Хозе**

Главный секретарь **Доменеч Хозе**

### List of Spanish Republicans Interned in the Camp of Karaganda, USSSR

**Aviation Pilots**: Vicente Montejano Moreno — born in Madrid, Dorin Almor — born in Barcelona, Maximo Ramos, Fulgencio Buendia Garcia, Emilio Salud, Jose Garcia Garcia, Jose Calvo, Augustin Puch Hemogenes Rodriguez, Quintin Rodriguez, Jose Romero Carreiras — born in Orense, Claudio Ramel, Ramon Beltran, Arturo Prieto, Jose Segura, Pablo Villanueva, Francisco Aliaga, Antonio Marquez, Eusebio Pons, Felipe Pedren, Miguel Velasco, Adolfo Puig, Ricardo Allego, Augustin Lionas, Pedro Llopart.

**Members of the Navy and of the Merchant Marine**: Manuel Tejero—Officer, Pedro Orense—Officer, Pedro Armesto—Officer, Ramon Sanchez—Officer, Victor Rodriguez—Sailor, Jose Perez—Sailor, Juan Gomez—Sailor, Jose Santamaria Garcia—Sailor, Manuel Castaneda—Sailor, Jose Castaneda (Brother of the above), Juan Leira—Sailor, Jose Colombina —Sailor.

**Civilians**: Antonio Echauria, Luis Serrano, Juan Bota (Doctor of Medicine, resident of Madrid).

### ФРАНЦИЯ

#### Новое Вероломство Сталинцев

Под таким названием в газете "Либертэр" от 5 и 19 февраля была напечатана статья об испанских антифашистах, находящихся в большевицких концлагерях, с приложением писем. В статье уделяется много места описанию советских концлагерей вообще и лагеря в Караганде в частности. Последний охраняется часовыми со специально-дрессированными собаками. Статья иллюстрирована фотографиями концлагеря и двух испанских антифашистов. Письма потрясающие. В одном из них говорится, что после войны из лагерей военнопленных были освобождены все иностранцы, исключая **испанцев и евреев,** которые остаются там и по сей день.

Особенно потрясают письма испанских коммунистов, впавших в немилость. Один из испанцев пишет: "Годы и удары судьбы меня не сломали, но закалили. Дорого я заплатил за желание освободить человечество, защищая свободу испанского народа." Далее он рассказывает о бесчеловечности тех, в чьих руках находится. Умоляет отца и мать писать ему каждый день: может быть тогда дойдет до него хоть одно письмо. Он боится, что умрет, как умерли сотни других, и никто не будет знать даже могилы его.

# ГОЛОС НЕВОЗВРАЩЕНЦЕВ

## ЖИЗНЬ РАБОЧЕГО В СССР

Как известно, 2 января 1929 г. ЦИК и Совнарком СССР приняли постановление о переводе производственных предприятий Сов. союза на 7-часовый рабочий день и на 5-дневную неделю с шестым выходным днём для отдыха. Это постановление расписывалось радужными красками и широко рекламировалось, как одно из "величайших завоеваний революции." Но к чему оно привело?

Формально был введен 7-часовый рабочий день, а фактически началась вакханалия невиданной эксплоатации трудящихся партией и правительством. Расскажу как это осуществлялось на практике.

Была объявлена пятилетка индустриализации. Но те, которые сами не работали, а лишь "идейно руководили," вдруг преисполнились таким энтузиазмом "строительства," что 5 лет признали слишком долгим сроком и завопили: "Выполним пятилетку в 4 года! В три года! В два с половиною!" И начали выжимать все соки из рабочих при помощи разных прессов. Один из них назывался "ударничество," другой — "соцсоревнование," а вместе именовались "социалистическими формами труда." Оба пресса завинчивались и всё больше зажимали тружеников под хор голосов партийных погонщиков и административных надсмотрщиков:

— Темпы! Темпы! Нажимай на темпы! Даешь темпы!

И сейчас же выдвигались "встречные планы," "усиленные вахты," ночные "добровольные смены" и добавочные часы работы на "индустриализацию," на "коллективизацию" и на всякого рода "защиту." Одним словом, все средства и способы были пущены в ход, чтобы "нажать на темпы." И еслибы в те годы любому работнику сказали, что по декрету в СССР утвержден 7-часовой рабочий день, он, шатаясь от усталости и вытирая пот со лба, посмотрел бы на вас непонимающими глазами и недоуменно ответил бы:

— Разве? Чевой-то не видать . . . У нас этого нету . . .

К напряженнейшему рабочему дню добавлялись ещё и всякие "нагрузки." Особенно мучили "производственные совещания." Чуть что, начальник цеха созывал "производственное совещание," на котором рабочие, падая от сна и от усталости, должны были сначала прослушать часовой доклад

партийного работника, а затем вынести резолюцию: "Учитывая наличие прорыва в нашем цеху, объявить недельный 'аврал' и работать без смен и без выходных дней, пока цех не будет выведен из прорыва."

Мучили и бесконечные "встречные планы." "Треугольники" предприятий (администрации, парт-ячейка и местком) в своих кабинетах вздували и без того раздутые профинпланы, увеличивали продукцию и сокращали сроки, а потом на всяких собраниях и митингах требовали выдвинуть "встречный промфинплан." И получалось так: наркомат требовал выпустить той или иной продукции 100% в квартал; трёсты поднимали процент продукции до 120, а срок выпуска сокращали с 15-шестидневок до 12; завод же выдвигал "встречный план" и на свою голову требовал: "Разрешите нам выпустить 150% продукции в десять 6-дневок!" . . И наркомат "благосклонно" разрешал.

Вдобавок к потогонщине стало появляться постоянное недоедание, переходящее в голод. Начиная с 1930 года, снабжение рабочих стало быстро ухудшаться. Паёк был снижен до минимума, но к лету 1933 года и пределы минимума были снижены на Украине, в Крыму и на Северном Кавказе до 200 граммов хлеба в день на рабочего и до 150 граммов на два дня на служащего. В столовках давали на обед тарелку невозможной бурды, которая для разнообразия называлась сегодня супом, завтра — борщем, а послезавтра — щами, потребители же называли её баландой или растатуем.

Ко всем вышеизложенным "прелестям" в дальнейшем добавились "соцдоговоры," "соцобязательства" и "стахановщина" — выжимание последних соков. Винт пресса был зажат так крепко, что вырваться из-под него можно было лишь с помощью нелегальных усилий, которые определялись специальным глаголом — изловчиться. Кому это удавалось, тот уходил на другую работу, переезжал в другой город, менял квалификацию и старался отстоять возможность существования. Но погонщики и надсмотрщики из партийного аппарата и комитетов — тоже ловкачи. Они и положили предел всякому изловчению. А 26 июня 1940 года открыто упразднили маскировку 7-часового рабочего дня, заменив его восьмичасовым, а 6-дневную неделю — семи-дневной.

Таким образом официально количество выходных дней сократили с 61 до 52, число рабочих часов увеличили с 2.128 до 2.504, но это ничтожная мелочь. Главное же заключалось в **полном закреплении работника к месту его работы.** Если в старину крепостной работник имел право переходить от одного рабовладельца к другому после Юрьева дня, то современный советский раб был лишен этого права. Прочитав закон 26 июня 1940 г., он мог только воскликнуть: "Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!" . . .

Переход на другое место работы был запрещен под страхом уголовной ответственности. Не только прогул, но и опоздание на работу каралось судом в порядке уголовной ответственности. Порча сырья, небрежное обращение с инструментами, повышение брака — уголовное преступление. Не довернулся в полный оборот — уголовное преступление, перевернулся — уголовное преступление! То, во что превратился сейчас труд в СССР, — хуже ада.

Рабочий день формально объявлен 12-часовым, а фактически он достигает 14-16 часов в сутки, так как всегда объявляются разные кампании: то двухнедельник по борьбе с прорывом, то месячник "помощи красной армии," то "аврал в пользу детей фронтовиков" и т. д. Измученные рабочие не имеют часто возможности уходить домой ночевать и вынуждены спать 5-6 часов в заводских ночлежках, чтобы во-время снова приняться за каторжный труд. Редкое воскресенье они бывают свободны, так как "воскресники" и "субботники" назначаются каждую неделю по всякому поводу.

Почти все рабочие были призваны в армию. Их заменили женщинами, детьми и стариками. В школы ФЗУ с годичным сроком обучения мобилизовали детей 13-летнего возраста, а в те же школы с 5-месячным сроком берут 14-летних. Женщин погнали даже в угольные шахты, а из пожилых составили "активы стариков" и распределили их по колхозам и производственным предприятиям. В общем трудовой люд в России, лишенный всяких прав и превращенный его живодерами в безгласное быдло, страшно измучен, перенапряжен, оплеван и забит погонщиками из ВКП(б).

Всё написанное было в силе до апреля 1944 года.

Рабочий **В. Спасов**

---

ТОВАРИЩИ, издание журнала "ДТП" зависит всецело от вас, поэтому мы обращаемся к вам с настоятельной просьбой распространять журнал и оказывать ему денежную и моральную поддержку.

**Ред. Коллегия**

# РАБОЧИЙ-КРАСНОАРМЕЕЦ

Молодой человек, Григорий Матнеев, родившийся в 1913 году в Брест-Литовске и работающий ныне батраком у австрийского крестьянина в Каринтии, поведал нам "свою маленькую историю":

* * *

"Став взрослым, я поступил на завод рабочим. Однажды опоздал на работу на 15 минут, за это дали мне 3 месяца принудительных работ на том же заводе с вычетом 25% с заработка. Отбыл наказание, но впоследствии, из-за переутомления, проспав, опоздал уже на 50 минут. За это дали 6 месяцев тюремного заключения и отправили в Балахну на Волгу в тамошнюю тюрьму. Порядки в ней были обычные. Приказ заключенным — разговаривать вполголоса. Оправка вне камеры — два раза в сутки. Умываться в уборной, под окрики: "Быстро." Питание: утром выдавался черный хлеб (400 граммов в сутки) и пол-литра суррогатного чаю без сахара; в обед — камса с соленой водичкой, а на ужин — опять камса. После неё — страшно пить хотелось! Отбой ко сну в 8 часов вечера. Спать вповалку на полу, потому что камера набита людьми, что бочка селедками, но не до потолка. В 11 часов ночи — комиссия НКВД. Команда: "Встать! В шеренги!" Начинается перекличка и подсчет. Иногда производят ночные обыски: нет ли бумажек, карандашей, пуговиц, ремней, стекла и т. д. Еще до впуска в камеру пуговицы и крючки отрезались. Не брили, а стригли наголо обязательно.

Однажды нашу камеру пополнили тремя хлопцами. "За что?" — спрашиваем их. "Мы — арматурщики, ленинградцы. Как квалифицированных, нас, без семей, из Ленинграда перевели на работы в Балахну, но обещанных условий не создали: и мы решили удрать. На вокзал пришло десяток товарищей-рабочих. Большинству удалось сесть в отходящий поезд и уехать, а мы, трое, попали, как куры во щи."

Один из них — Иван Иванович (точно) угостил нас табаком, а затем снял с себя одежду и стал перед нами совершенно голый.

— Что с вами, Иван Иванович?

— А вот я им покажу! — отвечает он и зовет через "волчек" дежурного — коридорного надзирателя: — Открой, мать-перемать!

Надзиратель смотрит в "волчек," а Иван Иванович стремительно хватает парашу и зловонной жидкостью — туда. Сигнал. Прибежала помощь. Открыли камеру. Схватили Ивана Ивановича и голяком бросили его в карцер с цементным полом и щелями, летом — с холодной водой по колено. Извольте-ка спать. Там Ивана Ивановича жестоко избили. До нас доносился его волчий вой.

По ночам он не давал нам спать в течение трех недель. По воображаемому телефону Иван Иванович связывался с Ленинградом, вызывал жену, братьев, родителей. Просил помощи от родимой мамаши и бабушки, а лился по корридору его зычный голос: "Не придуряйся! Мы-то дурь из тебя вытрусим! К 6 месяцам довесок в три года получишь!"

В последний раз ночью, часов в 12-ть, разлился по корридору его звычный голос: "Не бейте меня!" В "волчек" мы увидели его голым, со связанными руками, в окружении уводящих его тюремных надзирателей. Он был сумасшедшим.

В соседней камере было всегда тихо. Там сидели священники. Свет едва проникал к ним сквозь низко скошенный зонт окна. Они имели право разговаривать только шепотом. Это были "катушечники" (катушка — 10 лет). Над нами же находилась следственная комната, откуда слышались по ночам возня, топот сапог и крики: "Караул! . . ." Однажды мимо нашего "волчка" пробежал оттуда начальник тюрьмы с окровавленными губами.

На войну я был мобилизован в 1941 году. Сначала служил рядовым. За заслуги в боях против немцев стал ефрейтором в одной из моторизованных бригад. Отнесся к войне, как к неизебжному злу. Драться пришлось, конечно, по принуждению. На каждом шагу, от сержанта и выше, за пререкание или за мелкие проступки: "Застрелю!" На каждый десяток бойцов — по несколько сексотов. Кроме того, вообще Иван должен следить за Павлом, а Павел за Иваном, т.е. то же, что было в мирной обстановке, в гражданском быту, когда работал на заводе рабочим.

Раненый в голову, ногу и руку на фронте "Воронеж-Острогорск," я попал в немецкий плен. Пришел в сознание в Харьковской тюрьме для военнопленных. Вынули осколки, а затем перевезли за Днепр в город Смела. Потом — тяжелые работы на тыловых дорогах впроголодь. Выжил. Через 10 месяцев бежал из плена и стал как бы цивильным, увезенным. Конечно, — вновь на изнурительные работы в Австрию. Стал невозвращенцем.

При конце войны, в толпе изнуренных "ди-пи" заинтересовался я одним дряхлым

человеком: "Дедушка, какой ты худой! Будто из тюрьмы," — говорю.

— Угадал, — отвечает.

— Сколько же тебе лет, старичек? 80?

— Что ты, милый? — 48.

— А где сидел?

— На Дальнем Востоке, Бамлаг НКВД.

— По какой статье? — 58.

— Катушка?

— Угадал, родименький.

— А доктора Круглова там знавал?

— Ну, как же? В одном отделении Бамлага НКВД были. Едва-ли выберется. Довесок пришел . . .

Не тянет меня на родину, хотя там родные. Рад, что вырвался из всесоюзной тюрьмы, хотя и не на сладкую волю. Зато воля получена самим, не по милости "благодетелей" русского народа, с их порядками хуже древне-египетских.

Бывший красноармеец из брест-литовских рабочих **Григорий Матнеев."**

# ПИСЬМА РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ

РЮТЛИНГЕН, Германия, 1. 11. 47. — Многоуважаемые сотрудники "ДТП" и М.! Ваше письмо доставило нам такую большую радость. Мы его читали и перечитывали несколько раз. Очень трогательно, что Вы так скоро ответили. Мы не знаем, как Вас и благодарить. Нет конца нашей искренней и глубокой вам благодарности, как за письмо, так и за подарок — продовольственную посылку, которую мы получили в полной исправности. Вы себе и представить не можете, какая это была радость! Радость от сознания, что мы не одни на свете, что где-то далеко есть добрые отзывчивые люди, а также оттого, что при окружающей нас страшной скудности оказалась настоящая бичевка, не говоря уж о прекрасной упаковке, а тем более о продуктах высокого качества. Когда я, распаковывая посылку, уронил бичевку, невольно вспомнили "Мертвые Души": "Веревочка и веревочка пригодится." Ведь здесь страшный недостаток во всём. Если вы хотите купить конверт и лист почтовой бумаги, то взамен нужно дать старую бумагу. Большое Вам русское спасибо за всё.

Родился я в Псковской губернии, в г. Печеры, где находится известный Печерский монастырь, 50 клм. от Пскова. После первой мировой войны наш край с чисто русским населением отошёл к Эстонии. Отец мой поселился на родине моей матери, т.е. в Печерах, где остался наш дом, старая мать и сестры. Отец умер в 1921 г., когда мне было 11 лет, поэтому мало его помню. Учился я в русской гимназии в Печерах же, затем окончил ремесленное училище и, открыв свою мастерскую изящной мебели, работал там до 1944 г. Теперь же, находясь в ограниченных беженских возможностях и не имея материалов и инструментов, занимаюсь мозаикой. (Если Вас интересует, могу написать о жизни русских в Печерах, приход "своих" и наш уход с вековым врагом Росси — немцами.)

Моя жена родилась в 1921 году в историческом городе Оренбурге, детство провела в Сочи и Майкопе на Кавказе. Видела разрушения, издевательства над человеком и пережила страшный голод. В 1939 году переехала в Питер, поступила в университет на электро-технический факультет, а в 1941 г. при подходе немцев все были брошены на фронт; она, как радист связи, прошла через настоящие большие бои, полные ужасов и страшных потерь отступающей красной армии. Затем окружение, плен под Гатчиной и мучительная неизвестность. Как студентка, владеющая языками, попала переводчицей. Затем . . . наша встреча и мы, ещё вчера люди разных полюсов, оказались свои, русские. Имеем двух детей-близнецов, Коля и Наташа, которым "дяди из Америки" прислали посылку.

Семья **Ер—ковых**

БУРГДОРФ, Германия, 2. 10. 47. — В редакцию "ДТП." Приношу вам сердечную благодарность за ваш журнал, который я получил и который в точности описывает то, что переживает Россия под властью "коммунизма." Так как я скиталец на чужбине, не могу заплатить за журнал, который, если можете, прошу присылать и в дальнейшем. Верю, что Бог вознаградит вас за ваши труды.

Пастор **Яковлев**

ГАМБУРГ, Германия, 23. 10. 47. — В редакцию "ДТП." Совершенно случайно попал мне в руки № 21 вашего уважаемого журнала "ДТП," который великолепен изданием и очень интересен по содержанию. К сожалению, я никак не могу его выписать. Если найдете возможным выслать мне хотя бы старые номера, буду очень признателен. С русской литературой у нас здесь плохо. Я старый русский эмигрант, 52 лет, участник первой мировой войны и инвалид — потерял правый глаз. В эту войну, в апреле 1944 г., был вывезен немцами из Польши, где я жил, в г. Кленцер, в Германию. При бомбардировке этого города в апреле 1945 г. был контужен — повреждены легкие. И вот я здесь нахожусь более двух лет в госпитале на излечении. Мне нужно усиленное питание, которого здесь нет, и нет поддержки, т. к. во время войны растерял семью, близких друзей, вещи при контузии и остался один. При вашей помощи хотел бы разыскать родственников, знакомых и сослуживцев, которых я имел до войны в США. Поэтому прошу поместить в уважаемом вашем журнале мое обращение: быть-может, кто-нибудь откликнется. **Мих. Як. Барботко**

ФЕЛЬБАХ, Германия, 10. 11. 47. — Дорогие соотечественники, получил ваш журнал "Дело Труда-Пробуждение," который обрадовал меня и моих друзей, рассказав правду о России, и дал нам много нового. За всё это примите от нас, тружениковбеженцев, многократное спасибо. Желаем вам успехов в вашей деятельности на пользу многострадальных и безмолвных народов России. Если возможно, вышлите следующий номер вашего журнала, за что мы будем вам очень благодарны. **Н. Р—ский.**

КАССЕЛЬ, Германия. — В редакцию "ДТП." Я нахожусь в госпитале и мне нужны для лечения листья или палочки кактуса, которых в Германии достать нельзя, а в США много кактусов. Кактус даст мне возможность через месяц встать на ноги, а через три месяца — стать Геркулесом и уйти из больницы. Пославшему мне кактус буду очень благодарен. Надеюсь на благостный отклик. **Спешнев.**

ФЕЙСТРИЦ, Австрия, 27. 11. 47. — В редакцию "ДТП." Я — бывший полковой делопроизводитель,

как состоящий на военной службе, не имел права принадлежать к какой-либо политической партии и, конечно, не мог знать партийной жизни. Но когда русская революционная буря захватила все партии и вовлекла и меня, грешника, в свой круговорот, который многих из нас донес до Австрии и бросил в лагерь, то здесь я узнал и так называемую "демократию," которая, танцуя перед красным палачем Сталиным, стала насильно выдавать ему доверившихся ей политических эмигрантов — новых и старых. Нас удивляет и возмущает непонимание большевизма и его целей западными демократиями, которые больше верят ком-агитке, нежели живым свидетелям. Спрашивается: кто бежит от хорошего? Неужели им мало того, что люди кончают самоубийством, но не желают возвращаться на "родину" в тот ад кромешный, из которого они чудом вырвались? Неужели им мало того, что женщины в отчаянии, прижимая к груди своих детей, бросаются в реку Драву? (Лагерь Пеггец у г. Линца — братская могила погибших и покончавших с собой 1 июня 1945 года). Неужели они думают, что нам приятно влачить жалкое существование на полуголодном пайке в 140 граммов хлеба и чашку пустого супа? Неужели им не бросается в глаза, что в СССР нет даже намёка на какую-либо демократию? А ведь в старой России было много партий и видных демократов.

От "хорошего лагерного питания" у многих, в том числе и у меня, начались болезни, поэтому и мне пришлось попасть в лагерный лазарет, где я пролежал с июня по 12 ноября и откуда вышел с тем, с чем пришел, ибо за неимением лекарств нет никакого лечения. Незадолго до выхода из лазарета один из посетителей принес для чтения больным старые газеты из Америки, в том числе и Ваш журнал № 10, за Апрель-Август 1943 г. Всё, что приносится, обычно читается вслух, чтобы все слышали. Когда прочитал Ваш журнал, то он так понравился всем своим беспристрастным и правильным освещением жизни, что публика начала просить написать Вам, что бы Вы, если возможно, прислали бы ещё Ваш журнал. **И. К. В.**

ВЕНДЛИНГЕН, Германия, 15. 11. 47. — Многоуважаемая редакция журнала "ДТП." Извините, пожалуйста, что беспокою Вас своим письмом, но у меня к Вам большая просьба от группы русской молодежи, которая очень интересуется Америкой и хочет как можно больше узнать об американской жизни вообще и жизни русской эмиграции в частности. В виду этого мы хотели бы получать, хоть иногда, ваш уважаемый журнал "ДТП."

Несмотря на все трудности, мы надеемся попасть в США. Это наша цель и наша будущность. Мы многое пережили, а война нас многому научила, поэтому работы мы не боимся. И если Бог даст мы будем в США, мы первым долгом вспомним Вас, сделавших расходы, чтобы дать нам духовное подкрепление. **А. П—н.**

ЛАДЕ-ВЕЗЕР, Германия, 10. 11. 47. — Уважаемый г. Редактор! Обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне разобраться в проводимом Вами учении, которое для меня ново. Не откажите прислать мне несколько популярных книг. Три номера "Дела Труда-Пробуждения" получил, за что искренно благодарю. Надеюсь, мою просьбу удовлетворите. От М-ко получил русские газеты, за что спасибо.

К сожалению, на мое письмо о нашем духовном голоде мало кто откликнулся из русских в Америке. Да минует их чаша страданий, которые мы, русские, переживаем в разрушенной Германии. Заранее благодарный Митроф. прот. **Николай Б—ский.**

БЕНДОРФ, Германия, 26. 12. 47. — Многоуважаемый т. М-ко! Спасибо за присланные газеты, журналы и книги, чтение которых не только доставляет удовольствие, но и наводит на глубокие размышления. Теперь мы имеем возможность, хоть отчасти, ознакомиться с анархизмом, как идейно-общественным движением. Мы, бесправные "ди-пи," так нуждаемся в серьёзной книжке, что, право, не знаешь чего желать: духовной или телесной пищи. В Вашем журнале нам очень нравится то, что Вы называете вещи их собственными именами и боретесь с деспотизмом.

Правда, деспотизмы бывают разные. Многие из нас сидели в каталажках в царское время, борясь с режимом деспотии, а чрез 20 лет мы вспоминаем эту деспотию с умилением. Подумайте только: нас поймали за приготовлением бомб, а кончилось "без физического воздействия" высылкой на родину. В 1905 г. мы, в нашем Московском университете, объявили царское правительство низложенным. Нас окружили и повели длительную осаду, а потом разрешили уйти домой без всяких особых последствий. Мы побывали в руках царских жандармов, посидели в одиночках. Мы имеем и теперешнюю тюремную практику и можем о многом рассказать . . . На собственной шкуре многое испытали, перепробовали и, по сравнению с настоящим временем, царские тюрьмы были чудные отели!

Если хотите знать подлинную правду и только правду страшную, как сама жизнь, то помогите нам переехать за океан, стать свободными в свободной стране и поведать миру эту жуткую правду. Пришлите аффидэйвиты и мы включимся к вам. Материально мы вас не отяготим, т. к. мы спецы и прошли тяжёлую школу жизни. Дайте нам только рычаг в руки, а мы уж сможем его повернуть.

С приветом **Д-р Г. С—кий**

ГАУТИНГ, Германия, 27. 11. 47. — Дорогой соотечественник М-ко! Я не знаю, кто Вы и каковы В. возможности, но уже одно то, что Вы находитесь по ту сторону океана позволяет мне надеяться, что Вы поймёте весь ужас исключительного положения, заставляющего меня обратиться к Вам с просьбой. Более 2 лет нахожусь в санатории, а моя семья — жена, сын-гимназист и мать жены — живёт в лагере. Жена после перенесенных двух тяжёлых операций и 7-месячного пребывания в госпитале ещё недостаточно окрепла, чтобы нормально работать. (Она — швейка). Для укрепления здоровья ей нужно усиленное питание. Всё, что было создано за 25 лет эмиграции, потеряли и мы едва унесли ноги, в чем стояли. Чтобы помочь мне спасти семью, пошлите 10 фунтов жареного кофе в зернах. За этот продукт можно достать всё и семья в 3-4 человека может месяц хорошо питаться.

С почтением **И. Фил—ко.**

ФЕЙСТРИЦ, Австрия, 24. 12. 47. — В редакцию "ДТП." Благодарю за присланные газеты, журналы и литературу, которую читает весь лагерь. Читатели просят вас и в дальнейшем не забывать их и по мере возможности периодически присылать газеты и журнал, помня, что чтение является единственной отрадой и светом на тёмном фоне нашей тусклой беженской жизни.

В лагерях гнетет нас положение арестантов и полная неопределенность наших перспектив. Все стремятся твердо стать на свои ноги и зависить только от себя и своей работы, а не от милости УНРРА, ИРО или подобных им организаций. Мы верим в себя, в свои знания и силы, но нам необходимо быть не ограниченными в правах гражданами, рабами второго или третьего сорта — быть только углекопами, лесорубами или рабочими других отраслей промышленности, а свободными людьми: заниматься тем, что мы знаем и любим.

Учение Кропоткина, Бакунина и Прудона является для большинства лагерников целым откровением и даже предметом увлечения. Не откажите и впредь, хотя бы изредка, снабжать нас литературой и газетами. Один из преподавателей нашей гимназии интересуется Историей Религий и сочинениями Ф. Ницше. Хотелось бы получить руководство по сыроварению, переработке с-х продуктов, огородничеству, садоводству . . . В заключение хочется отметить, что готовность оказать помощь погибающим является одним из основных показателей степени культурности каждого человека. А ведь подлинной культурности вокруг очень мало. **А. С.**

ШТУТТГАРТ, Германия, 15. 11. 47. — Уважаемая администрация журнала "ДТП." Я имел счастье у одного знакомого прочитать издаваемый вами журнал, который мне очень понравился. Я — новый эмигрант. Ваш журнал доставляет большую радость. Убедительно прошу выслать мне ваш журнал. Уплачу марками или как-нибудь приеду туда и рассчитаемся, в долгу не останусь. Благодарю вас заранее. **ЛОс.**

КЛАГЕНФУРТ, Австрия, 27. 12. 47. — Уважаемые товарищи "ДТП." Мне попал в руки номер вашего журнала за ноябрь-декабрь 1944 года, который я прочитал. Он очень мне понравился и я от чистого сердца благодарю редакцию журнала и Федерацию Русских Рабочих Организаций США и Канады за журнал. Я хотел бы подписаться и получать ваш журнал регулярно, но долларов я не имею, а только австрийские деньги, которые переслать нельзя. Жду вашего ответа. **С. Вол—р.**

МЕРКСХАУЗЕН, Германия, 28. 10. 47. — Дорогие далекие друзья! Кто-то из соотечественников в Америке прислал мне два номера вашего журнала (№ 21 и 22), которые я с большим интересом прочитала и дала другим для прочтения, чем доставила им большую радость. Здесь находится больница для туберкулезных иностранцев, среди которых много русских. Это настоящий "медвежий угол," читать абсолютно нечего, а мы все так жаждем газет, журналов и книг, написанных правдивым языком.

Ваш журнал "ДТП" написан простым легким и правдивым языком. В нем мы нашли очень много интересного и нового для нас. Правдива статья Максимова "Всероссийский Голод." Я являюсь одной из переживших ужасный голод в Петрограде в 1941-42 годах и могла бы многое рассказать: четверо моих детей умерли там от голода в 1941 г. Каким чудом пережила я, не знаю: значит, такова судьба.

Наша жизнь здесь очень тусклая: голод, холод, неизвестность и страх за будущее, безперспективность, особенно для нас, больных, инвалидов и старых, и полное отсутствие правдивых книг для чтения, которое отвлекает человека в нашем положении от суровых забот и тяжёлых мыслей, а главное, каждый из нас хочет знать всё больше и больше правды обо всём. Среди "вычищенных" из "ди-пи" очень много больных. Судьба их плачевна.

Очень прошу вас, дорогие друзья, высылать нам время от времени ваш журнал, книгу Максимова "Гильотина за работой," книгу Кравченко "Я избрал свободу" и англо-русский словарь, а также, если найдется какая-либо литература, пожалуйста, вышлите, что нам, больным, доставит большую радость и утешение.

Меня привезли в Германию на работы в начале 1943 года. Здесь я работала очень тяжело, всё время в сыром подвальном помещении, в прачешной, по 16-18 часов в сутки. В результате перенесенного голода в Петрограде и непосильной изнурительной работы явилась моя болезнь, которую обнаружил врач осенью 1943 г. Но я работала до мая 1946 г., пока лишилась последних сил, и поместили в лазарет. Осталась одинока, т. к. никого из родных в живых не осталось: дети умерли от голода, а муж был убит в том же 1941 г. под Петроградом.

Сегодня, 30 декабря, получила присланные вами книги с большой радостью. Приношу вам сердечную благодарность. Мы здесь голодны, как в физическом, так и в духовном отношениях. Каждая присланная нам газета, журнал и книга проходят через много рук и зачитываются буквально до желтизны. Ещё раз сердечное спасибо от меня, моих друзей и знакомых за книги. **М. В.**

БАРКЛЬ, Германия, 12. 11. 47. — Многоуважаемый редактор, приношу Вам мою искреннюю благодарность за присланный мне номер журнала "ДТП," который вызывает большой интерес. Прочитав его, я передал другим с просьбой передать дальше русским людям, которые просят прислать им ещё несколько номеров "ДТП." Не оставьте нашу просьбу без внимания. Заранее благодарим Вас. **Н. Д—в.**

КЛАГЕНФУРТ, Австрия, 7. 12. 47. — Уважаемый гр-н М-ко! Ваш ответ на мое письмо весьма меня порадовал. Видно, что земля не иссякла ещё людьми, готовыми поддержать ближнего. Как бы ни выражалась эта поддержка — газетой, журналом, книгой или задушевным письмом, — для нас, политических беженцев в Европе, находящихся в выжидательно-неустойчивой и почти враждебной среде, при взвинченных нервах от всякого рода неожиданностей, такая поддержка очень дорога. Дорого то, что кто-то где-то знает о нашем положении и в случае чего готов хотя бы закричать на распоясавшихся: "Руки прочь! Осторожнее!"

Главное же заключается в ободрении, исходящем от подобных Вам людей, от чего чувствуешь себя человеком с кое какими претензиями на права, которых мы лишены здесь. Ставшая законом фраза: "кто не работает, тот не ест" означает противоположное: "кто работает, тот подыхай," так как труд здесь оплачивается только жалким пайком, часто падающим до норм лежащего в постели. Об одежде, белье, обуви, топливе забыто. Приходится довольствоваться лохмотьями, сохранившимися от лучших времен. С холодной, мокрой и грязной работы бежишь в холодный угол и с упавшим духом часто вспоминаешь дом и родных. Тут-то и бодрит теплое слово участия и готовность помочь, чем можно. **С. К—о.**

ЛАДЕ, Германия, 24. 11. 47. — Многоуважаемый М-ко! Не знаю, как и поблагодарить Вас за внимание и заботу, которые Вы проявили. Меня интере-

сует главным образом духовная сторона — книги, журналы, газеты, а материальная — покушать и одеться — пока не хромает: мне только 40 лет и я могу трудиться и, находясь в лагере 3 года, всегда работаю. Наши письма идут очень долго: 30-40 дней, но Ваше письмо авионом шло только 7 дней. Однако из Германии нельзя послать письмо авиопочтой. Если будут старые газеты и журналы, пришлите.

**ВХ.**

АШАФЕНБУРГ, Германия, 26. 11. 47. — В редакцию журнала "ДТП." Весьма Вам благодарен за высланный мне № 22 Вашего журнала. Это первый и единственный экземпляр Вашего журнала в нашей группе лагерей. Он быстро переходит из рук в руки. Когда я его видел в последний раз, то на нем уже появились насквозь прочитанные места. Все очень рады и благодарны Вам за здравое освещение сути большевизма и его международного облика. Мы рады, что не все русские являются носителями коммунистического зла, а наоборот — в своем огромном большинстве оказались первыми жертвами большевицкого тоталитаризма.

Как видно из направления журнала, он проповедует идеи анархизма, с которым в нашей среде никто не знаком и, кажется, имеют, в своем большинстве, о нем весьма превратное понятие. Поэтому, если возможно, прошу выслать нам литературу, которая в достаточной степени освещает основные идеи этого мышления, а также продолжать высылать уважаемый журнал "ДТП." **Н.Д.**

БО-ДУ-ЛЭК, Бельгия, 9. 12. 47. — Многоуважаемый М-ко! Совсем неожиданно получил сегодня от Вас несколько книг и 1 экз. "ДТП." Искренне благодарю Вас. В свободное от работы время полностью отдамся чтению их. Ведь тяжело здесь найти книгу на родном языке, а теперь я — просто счастлив, я мысленно вижу вас хороших и добрых, но не знакомых мне, моих друзей в Америке. Очень был бы рад получить от Вас ещё несколько книг, т. к. присланных не на долго хватит. К тому же нас здесь много и все ждут книг. Вот и сегодня, еще только утро, а на очереди уже несколько человек, которые хотят получить почитать эти книги. **В. Д.**

МЮНХЕН, Германия, 19. 12. 47. — Дорогие товарищи! Ваши подарки меня ошеломили. Не знаю, как вас благодарить. Спасибо и ещё раз спасибо. Постараюсь отблагодарить делом в будущем, когда позволят обстоятельства.

По приходе американцев мы зажили хорошо. Я, например, работая уборщицей, набирала в мусорных ящиках достаточное количество окурков, обломков мыла, осколков шеколада, гнилых яблок, апельсин и т. д. Таким счастливчикам завидовали. Ведь не каждый мог рыться в таком "золоте." О том, что ботинки или носки разные, — не важно: ты обут и сыт. Нас, бывших советских, ничем не удивишь. Да, мы зажили и могу сказать без преувеличения, что 80% населения Сов. Союза позавидовали бы нам. Да ещё как позавидовали бы! . . .

Среди старых эмигрантов — монархисты и демократы, а среди новых — демократы и за сов. власть, но без коммунистов, и часть — "нам все равно, кто будет нами править: один шут — шею гнуть, но лишь бы не коммунисты." Среди старых эмигрантов единицы, сочувствующие идеям анархизма, а среди новых — не имеют никакого понятия. (Я исключаю вульгарное понятие.)

Я изучала социально-политические науки в СССР, но об анархизме ничего не знаю. Однако думаю: 1) Всякая власть — насилие; 2) на данном этапе— безвластие неосуществимо; 3) анархизм — высший этап человеческого развития; 4) вы и, может-быть, мы — пионеры будущего.

После ложной пропаганды или слащавого либерализма "ДТП" поражает нас всех "советских" своей прямотой. Мы привыкли читать между строк, а тут называют вещи их собственными именами. Мы и неподозревали, что можно так писать. **Быв. Совет.**

МЮНХЕН, Германия, 23. 12. 47. — Глубокоуважаемые друзья! С сердечной благодарностью подтверждаю получение от вас 4-х книжных посылок и двух газетных от г. Мурашко. Вы доставляете истинно ценную моральную поддержку трудящимся старым эмигрантам, упорно борющимся за свое право на жизнь среди голода, нищеты и развалин современной Европы. Спасибо за ваше внимание, участие и искреннюю готовность помочь нам в постигшей нас беде.

Вся ваша литература нас тем более интересует в связи с работой нашей АКАДЕМИИ ТРУДА и СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, которая ставит своей задачей отыскание новых научно-профессиональных путей для организации индивидуального труда и социальной гармонии в производстве и распределении продуктов человеческого потребления. В АКАДЕМИИ сотрудничают профессора русской эмиграции, старой и новой, и иностранцы. Большие трудности в литературе и пособиях. К сожалению, среди развалин трудно служить науке и человечеству в поисках новых форм взаимоотношений, гуманности, справедливости, свободы, прав и полного раскрепощения жизни, труда и творчества. Академия живет пока в развалинах.

За ваш журнал "ДТП," книги и газету "НРС" — большое спасибо. Ждем новых книг, газет и журналов. Еще раз сердечное спасибо. **Н. В.**

РЕГЕНЕЦ, Австрия, 12. 1. 48. — Живем мы очень скудно — недостатки во всём. Каждый день с нетерпением ждём выезда из Европы. Недоедания привели нас к недомоганию, мы не в состоянии даже прокормить нашего единственного 12-летнего сына. Не забывайте нас, пишите нам, это нас очень обрадует: просить больше ничего не можем. Спасибо за книги, которые все прочла и передала в лагерь. **В. Т.**

ГАМБУРГ, Германия, 10. 1. 48. — Сердечная благодарность за присланные газеты. Надежда на маленькую посылку для больного ребенка осталась детской мечтой. Что делать? Судьба. Видимо, сытый голодному не товарищ. **Стеф. А. Стрибирская.**

ПИННЕБЕРГ, Германия, 1. 2. 48. — Уважаемые граждане, примите нашу глубокую благодарность за присланные вами книги для библиотеки Балтийского университета, Для нас эти книги означают не только материальное пособие, но более важное: большая моральная помощь.

Завед. Библиотекой у-та **Ел. Эмайтит.**

ГАУТИНГ, Германия, 16. 1. 48. — В редакцию "ДТП." Большая просьба к вам от группы больных (10 человек), находящихся в санатории для туберкулезных. Мы просим вас, как братьев, исполнить нашу просьбу: выслать нам все номера журнала "Дело Труда-Пробуждение" и вообще все ваши издания, если это возможно. Здесь, в Германии, нет органов свободной мысли. Даже в таком месте,

как госпиталь, и то появляются у нас такие люди, которым хочется **заставить всех** мыслить так, как им нравится. Мы, как больные, изолированы от внешнего мира и не можем уплатить вам ни стоимость издания, ни за пересылку. Не откажите просьбу. **Д. К—в.**

КРУМПЕНДОРФ, Австия, 8. 1. 48. — В редакцию "ДТП." Разрешите выразить вам искреннюю благодарность за присланную пачку газет и журналы "ДТП." Всё, что я получил, распространю среди моих пациентов, которые будут очень благодарны вам. В заботах о русских "ди-пи" много пособляет А. П. Г. Он активен. **Д-р А. Корхов.**

МЮЛБАХ, Австия, 21. 1. 48. — Дорогие товарищи! Как обрадовало меня увидеть один из номеров близкого мне журнала "ДТП"! До меня дошел №-р за 1946 год. Скоро 40 лет, как я с вами. Каждый год кровавого тумана, называемого жизнью, убеждает в правильности воззрений, принятых мною около 40 лет назад. Точно сон, перед глазами прошел П. А. Кропоткин, которого и я провожал на место вечного упокоения Ново-Девичьего кладбища в Москве. Здесь я один. О семье сведений нет. Половина Европы превращена в каторгу и тюрьму, где пытки времен инквизиции охватили миллионы жертв. Нет сил и возможности описать тот ужас, который наблюдал и который могут дополнить живые свидетели кошмара, называемого "совет. союзом." Всё это скрыто туманом наглого обмана и попойками кремлевских деспотов с делегатами Запада, которым устраивают банкеты, чтобы оглушить их. **Д-р А. Г.**

КУФСТЕЙН, Тироль, Австрия, 12-10-47. — Глубокоуважаемый г. Д., спасибо Вам за присланные газеты. Об их получении узнали наши соседи по бараку и сразу же распределили их для прочтения, а сейчас, поменявшись и прочтя буквально всё, пошли газеты путешествовать по всему лагерю, где при вечном полуголодном состоянии лагерников возможность отвлечься и забыть про настоящее очень ценна. Помимо всего, прочтение правдивой свободной печати как-то бодрит нас, людей, совершенно ничего не знающих о своей судьбе, и вселяет веру, что всё ещё изменится к лучшему.

Не знаю, как и благодарить Вас за Вашу отзывчивость, благодаря которой мы почувствовали, что мы уж не совсем одинокие и ненужные в нашем теперешнем положении. Мы (я, муж и дочь) мечтаем выбраться отсюда в США, но как всё это выйдет, не известно. От постоянного недоедания мой муж (инженер-механик) потерял 20 кило в весе, дочь мучилась всё лето от нарывов, а у меня — головные боли. Не знаю, как переживем мы эту зиму, ибо с каждым днем положение становится всё хуже во всех отношениях. Сильно гнетёт то, что нельзя найти хоть какую-нибудь службу. **И. В.**

ВИСБАДЕН, Германия, 5-9-47. — М. Г., Ваше письмо от 19 июня и посланную Вами литературу получил. За высылку книг и регулярную присылку Вашего журнала приношу Вам свою искреннюю благодарность. Навожу справки, чтобы взамен отправить Вам имеющуюся у меня местную литературу. В заключение разрешите сказать, что, не разделяя Ваших политических взглядов, кроме того, благодаря времени, месту и обстоятельствам, я не принадлежу ни к каким политическим группировкам, но мне бы хотелось и в дальнейшем производить с Вами обмен литературой. **Г. И. Лях.**

# К РУССКОЙ КОЛОНИИ В АМЕРИКЕ

### Обращение к Отделам РООВА и РНзОВ

Уважаемые Граждане! Лучше поздно, чем никогда, выполнить общечеловеческую моральную обязанность, проявить гуманность и спасти от бесправия, страданий, болезней и смерти тысячи русских, называемых беженцами, невозвращенцами или перемещенными лицами.

Перед нами огромная масса людей, ищущих места под солнцем и права на жизнь. Они тонут в нищете и гниют в лагерях Объединенных Наций около 3 лет. Они окружены глухой стеной безучастия и равнодушия. Их охватывает отчаяние и мораль их падает. Они ждут выезда из Европы в страны Нового Света, но ни организация Объединенных Наций, ни отдельные страны не торопятся с их вывозом. Дело размещения беженцев движется со скоростью улиты. Если Дом Представителей и Сенат США даже одобрят закон о допущении в страну 400,000 "ди-пи" в течение 4 лет, то всё равно это не спасет русских беженцев, потому что русская квота ничтожна. Поэтому дело размещения беженцев, даже при благоприятных условиях, растянется на годы. Как же они могут выжить эти годы, с надорванными уже силами, в ненормальных правовых, материальных и моральных условиях, без поддержки со стороны, без защиты от явных врагов и добродетельных эксплуататоров в странах с враждебным к ним населением, которое само голодает?! . . .

Мы спорадически помогаем кое-кому. То же самое делают другие организации. Эта помощь ничтожна и случайна. Поэтому помощь надо организовать в общеамериканском масштабе. Ведь до сих пор крупные небольшевистские организации, как РООВА и РНзОВ, не проявили никакого интереса к беженской проблеме. **Почему?** Неужели их не трогает горе несчастных их братьев и сестер? Не верится, так как трудно допустить это. Мы обращаемся к РООВА и РНзОВ с просьбой взять на себя инициативу по организации **Объединенного Комитета Помощи Русским Беженцам,** которые нуждаются в пище, одежде, медикаментах, в книгах, журналах, в советах, в содействии по розыску родных и знакомых, в информации, в легальной защите и в моральной поддержке.

Русская эмиграция в Америке всё это может дать в избытке. Нужна только инициатива — отклик будет. Нужно спасать людей, пока силы не оставили их.

Итак, друзья, берите инициативу, бросайте клич, зовите к гуманитарной работе, к помощи людям в беде, независимо от их веры, расы, цвета кожи и политических убеждений. Начинайте, мы поможем вам в этом деле, если вам нужна будет наша помощь. Ждём вашего ответа.

С братским приветом

**Федерация Русских Рабочих Организаций США и Канады.**

**Редакция "Дело Труда-Пробуждение."**

# ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ЭЛВУД, Н. Дж. — Уважаемые граждане, посылаю вам 5 долларов. Из них 1 д. подписка на журнал, а 4 д. для беженцев в Европе, где по вашему мнению наибольшая нужда. Вы заслуживаете доверия. Вся деятельность вашей организации свидетельствует об её глубокой порядочности. Можно не соглашаться с некоторыми утверждениями Кропоткина и Бакунина, но нельзя отрицать, что их учение пробуждает высоко нравственные идеалы у их последователей. Это учение — полная антитеза большевистской логики: "цель оправдывает средства."

Несомненно, что конечная цель стремления человечества — это то, чему учили Бакунин и Кропоткин. Но при нынешнем хаосе человеческих отношений, прививаемыми большевиками распущенности и бессердечия, трудно рассчитывать, чтобы люди восприняли безупречные идеалы анархизма. Долго ещё наше поколение, да, пожалуй, и будущее, будет бродить в потёмках ища выхода из создавшегося невыносимого положения.

Прежде всего надо уничтожить большевизм, с корнем раскрыв всю ложность и вред его безнравственных тезисов. Тогда истосковавшееся за лучшей, справедливой жизнью человечество невольно устремится к осуществлению высоконравственных идеалов, которые так ярко блестят в учении Кропоткина и Бакунина — людей кристальной чистоты. Но много ещё утечёт воды, предстоит ещё тяжёлый путь Голгофы, прежде чем человек найдёт пути к справедливости и счастью.

Конечно, нельзя сидеть сложа руки, а надо тем или иным путём стремиться к общему счастью, основанному на справедливости. Но осуществимо ли оно? Будем верить, что с падением большевизма люди найдут пути к этому счастью.

С большим интересом читаю "Дело·Труда-Пробуждение." Хорошее название вашего журнала.

Искренне уважающий вас **А. Алёхин.**

ВИНДЗОР, Канада. — Уважаемые товарищи, посылаю Вам денежным переводом 61 доллар, которые распределяются следующим образом: на издание книги Волина — 10 д. (пожертвования от М. Чёрного и К. Левчака), на издание книги Максимова "Учение Бакунина" — 15 д. (по 5 д. пожертвований от Чёрного, Левчака и Дешевича), на помощь безвластникам в Европе (Фонд Беркмана) — 10 д. (по 5 д. от М. Чёрного и К. Левчака), а остальные 26 д. — подписка на журнал "ДТП," которая поступила в следующем размере: М. Коцюр — 1 д., М. Чёрный — 2 д., И. Барабан — 3 д. и К. Левчак, И. Дешевич, Л. Папко и Т. Народа — по 5 д. **К. Левчак.**

БРИЛЛИАНТ, Б. К., Канада. — В прошлом году был сожжен духоборческий общественный дом, служивший местом собраний. В нем помещалась также библиотека и школа. В этом году тоже был совершен ряд поджегов домов, общественных зданий, школ и ряд взрывов водопроводных труб и могил вождей духоборцев. Толпа фанатиков проходит по селениям и учиняет акты разрушения "во имя Господа Бога." Полиция не принимает никаких мер пресечения этих актов, а как бы поощряет их, поэтому люди сами охраняют свои дома.

Журнал "ДТП," исходя из анархических принципов основательно критикует СССР, вернее, — большевизм, утвердивший в России сильное тоталитарное государство. Мне кажется, что путь к достижению анархизма и полного безвластия лежит в длинном психологическом процессе народа, которому нужно усиленное просвещение, чтобы он научился жить без опеки власти. Анархизм требует высокого духовно-нравственного совершенствования людей. На жестоких опытах народы убеждаются, что все правительства (буржуазные и социалистические или коммунистические) не только не научают народ, как лучше устроить общественную жизнь без власти и эксплуатации тунеядцев, но тормозят человеческий прогресс, являясь причиной народных бедствий, как опустошительные войны, возникающие в результате усилий правительств. Государственная бюрократия пожирает огромные суммы народных средств, но взамен ничего хорошего не дает народу. Пока народные массы поймут всё это и научатся жить без вредной опеки власти — возьмет еще много времени.

**Старожил**

ПОРТ КОЛБУРН, Канада. — Здравствуйте, дорогие друзья и сотрудники "ДТП"! Благодарю вас сердечно, как моих коллег-единомышленников, за вашу отзывчивость и поздравляю вас с наступившим Новым Годом. Пусть 1948 год принесет обездоленным трудящимся массам благополучие и радость освобождения от социальных паразитов, а вы пробуждайте спящих и крепите Дело Труда.

Будучи в преклоненном возрасте, — мне уж пошел 74-й год, — я почти наполовину потерял зрение и уже не гожусь к борьбе за наше общее правое дело труда, но я призываю молодёжь бороться энергично со всяким общественным злом и несправедливостью и продолжать дела отцов до полного освобождения трудящихся от ига властвующих эксплуататоров. Вся моя семья находится в "советском раю" диктаторствующего г-на Сталина и Ко. В тот "рай" мой голос не доходит и оттуда никакие вести не приходят. Видно, уж очень блаженствуют народы в "совраю." Но придет день, когда погибнут все тираны и человечество заживет вольной жизнью, без опеки паразитствующих "благодетелей."

**Д. Я. Морозов.**

ФРЕДЕРИК, Мэрилэнд. — Дорогие товарищи, посылаю Вам денежным переводом 14 долларов, из коих 10 д. — в издательский фонд "ДТП," а остальные — подписка. Желательно, чтобы все сочувствующие органу безвластного движения немедленно прислали ему свою денежную поддержку. Всем нам, труженикам на полях, в лесах, на заводах, в фабриках и мастерских, жизнь не легка. Но никто нам не поможет, если мы сами этого не сделаем. А журнал "ДТП" — единственный на русском языке. Он нам необходим, как духовная пища. Итак, друзья и товарищи, не откладывая в долгий ящик, шли-

те свою лепту в издательский фонд "ДТП." Желаю всего хорошего издательской группе и всем трудящимся земного шара. **П. Ф. Кунавич.**

АКРОН, Охайо. — Уважаемые товарищи, посылаемые вам 15 долларов составились из следующих сумм: 12 д. поступило за 12 книг Николаева "Первый среди равных" и 3 д. — подписка на "ДТП": И. Б. — 1 д. и Г. Мамай — 2 д. В будущем постараемся прислать свою лепту в издательский фонд журнала. **И. Бурдыко.**

ЮНГСТАУН, Охайо. — Уваж. товарищи, посылаю вам денежный перевод на 10 д., которые составились из следующих сумм: 1.50 выручено за 10 экз. № 23 "ДТП" и 8.50 поступило в издательский фонд журнала: С. Медынич — 4.50, М. Березовский — 3 д. и П. Вакульчик — 1 д. Обращаюсь ко всем здравомыслящим русским людям, ещё не отравленным сталинским ядом нац-ком-фашизма, поддержать морально и материально единственный на русском языке орган свободной мысли — журнал "ДТП," который указывает истинный путь к справедливому социальному строю политического и экономического равенства, без рабов и господ, без правящих и управляемых, в котором не будет ни привилегированных, ни угнетенных. **С. Медынич.**

КЕВАНИ, Иллинойс. — Дорогие друзья "ДТП"! Так как я почти потерял зрение: на один глаз совсем не вижу, а на другой — зрения сохранилось лишь на 10 процентов, то я уж не могу читать ваш уважаемый журнал. Из-за потери зрения уже шесть лет не работаю и с трудом хожу по улице. Тем не менее, чтобы поддержать доброе дело — ваш полезный труд для человечества, я посылаю мою скромную лепту — 1 д. на издание журнала "ДТП." **А. Петухов.**

ШЕЛТОН, Конн. — Уважаемая редакция "ДТП," посылаю Вам два доллара в счёт подписки на журнал "ДТП," который правильно освещает мировые события, защищает интересы трудящихся и срывает покров лжи, которым окутали матушку-Русь её нынешние жестококосердные правители.
С брат. приветом **А. Занюк.**

ЛЭЙКВУД, Охайо. — Уваж. товарищи! Благодарность вам за аккуратную присылку мне журнала "ДТП," в издательский фонд которого посылаю 5 долларов, как новогодний подарок. Желаю вам, журналу и всем товарищам, сочувствующим безвластию и подставляющим своё плечо к его осуществлению, успеха в столь благородной деятельности. Ваши труды не пропадут даром. **Е. Соло.**

ПЕЛЛИ, Саскачевань, Канада. — Дорогие друзья и товарищи! Случайно мне попал здесь в руки № 16 журнала "ДТП" за 1946 год. Я хотел бы знать, продолжает ли выходить журнал, так как я был в канадской армии и только сейчас вернулся со службы, поэтому не имею никакой связи с движением.
С братским приветом **И. Ткачук.**

ВЕСТ ХЭЙВЕН, Конн. — Уваж. товарищи, в счёт подписки на журнал "ДТП" посылаю 2 д., желаю вам успеха в издании органа свободной мысли и в распространении правды о России, стонущей под игом диктатуры большевизма. **И. С. Ко—ко.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Уважаемые "делотрудовцы"! В издательский фонд журнала "ДТП" жертвую 5 д. Люблю я ваш журнал за бескорыстное служение трудовому люду, за честность и смелость в защиту истинной правды и правды-справедливости. Вы бичуете подлость и всякое зло, поэтому заслуживаете поддержки. **С. Дмитрук.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Уважаемые друзья! Старый режим не дал мне возможности научиться грамоте, которую я постиг только здесь. Читаю я разную литературу, но больше всего меня интересует литература безвластников своей искренностью и честностью. "ДТП" — часть этой литературы и я считаю моральным долгом уделить из своих скромных средств 5 д. в фонд журнала и пожелать вам успеха в борьбе за справедливость. **Ю. Диоген.**

СОЛТ-СТЕ МЭРИ, Канада. — Уваж. сотрудники "ДТП," посылаю вам почтовым переводом 5 д., которые прошу распределить следующим образом: 2 д. — подписка, 2 д. — в издательский фонд журнала и 1 д. на пересылку литературы невозвращенцам в Европе, и прошу высылать мне уважаемый журнал "ДТП." **И. Бондарь.**

ХЕМПСТЕД, Нью Иорк. — Уваж. товарищи, посылаю Вам два доллара в счёт подписки и прошу высылать мне журнал по мере выхода в свет.
С приветом **И. Капчинский.**

БАЛТИМОРА, Мэрилэнд. — Уважаемая Редакция "ДТП," посылая два доллара в счёт подписки на уважаемый журнал "ДТП," поздравляю всех сотрудников с наступающим Новым Годом и желаю успеха в добром деле издания "ДТП." **С. Новаш.**

ЮНГСТАУН, Охайо. — Уважаемая Редакция, посылаю три доллара и прошу зачислить 2 д. в счёт подписки и 1 д. в издательский фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение." С прив. **И. Бык.**

КЕНОША, Висконсин. — Уважаемая редакция "ДТП," посылаю подписку на журнал в сумме 1 доллара и поздравляю сотрудников с Новым Годом. **Ан. Урбан.**

ХАРТФОРД, Конн. — В редакцию журнала "ДТП." Прилагая 15 сентов почтовыми марками, прошу выслать мне № 23 "ДТП" за декабрь 1947 г.
С почтением **Ал. Яремко.**

БЕРЛИН, Нью Хэмпшир. — В редакцию "ДТП." Прилагая 40 сентов почтовыми марками, прошу выслать мне два экземпляра № 23 "ДТП" за декабрь 1947 г. **И. Ковалик.**

ДЖЭМСПОРТ, Н. И. — Уваж. товарищи, в издательский фонд журнала "ДТП" посылаю свой новогодний подарок в сумме 8 долларов. Привет и поздравления. **Н. Демидов.**

ПИБОДИ, Массачузетс. — Уважаемая редакция "ДТП"! Из посылаемых вам почтовым переводом 5 долларов прошу зачислить два доллара в счет подписки и 3 д. — в издательский фонд журнала и продолжать высылать мне журнал. **Ю. Прокопчук.**

КЕННАН, Висконсин. — В редакцию журнала "ДТП." Посылаемые два доллара прошу зачислить в счёт подписки и продолжать высылку мне журнала. **Ст. Литвинов.**

НЬЮ КЕСТЛЬ, Пеннсильвания. — Уваж. товарищи, посылаемые три доллара — выручка за 20 экземпляров № 22 и 23 журнала "ДТП." **Д. Слаутич.**

МОНТРЕАЛ, Канада. — Уваж. товарищи, посылаю вам денежным переводом 11 д., из коих 7.50 составляют выручку за 10 экз. книги Николаева "Первый среди равных" и 3.50 — пожертвования в издательский фонд журнала "ДТП." М. Буданов — 1 д. и Г. Резанович — 2 д. Наилучшие пожелания на 1948 год. **Г. Резанович.**

СОУТ МОУНТЭН, Пенн. — Дорогие товарищи, посылаю вам один доллар и прошу выслать мне № 22 и 23 "ДТП." Зачислите меня подписчиком. С приветом **В. Миров.**

МАСУРИ, Охайо. — В редакцию журнала "ДТП." Посылаю вам один доллар и прошу зачислить меня подписчиком, начиная с № 23. С прив. **К. Белик.**

НЬЮ ИОРК, Н. И. — В редакцию журнала "ДТП." Прошу прислать мне № 23 Вашего журнала и записать меня годовым подписчиком. Посылаю Вам чек на 1.50. **Тигран Девоянц.**

БАЛТИМОРА, Мэрилэнд. — Уваж. товарищи, посылаю вам 10 д., которые прошу распределить следующим образом: 5 д. в издательский фонд журнала "ДТП," 3 д. в фонд русских беженцев-невозвращенцев в Германии и Австрии и 2 д. в фонд А. Беркмана — в пользу политических безвластников. С приветом **В. Савук.**

АНСОНВИЛЛ, Канада. — Уважаемая редакция журнала "ДТП." Посылаю вам денежным переводом три доллара в издательский фонд "ДТП," поздравляю всех сотрудников с наступившим 1948 новым годом и желаю успеха в издании полезно-правдивого органа свободной мысли. **Я. Кульгавчук.**

НЮАРК, Н. Дж. — В издательский фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение" посылаю два доллара. **А. Станкевич.**

РОЧЕСТЕР, Н. И. — М. Г., желая ознакомиться с журналом "ДТП," прошу выслать мне № 23-й за декабрь 1947 г. Прилагаю 15 с. марками. **Я. Вульф.**

ИНТЕРНЭЙШОНАЛ ФОЛЛС, Минн. — Уваж. редакция "ДТП," посылаю вам 5 д. Из них 2 д. — подписка на журнал и 3 д. — в издательский фонд. С приветом **И. Степовой.**

ФЕРНИ, Б. К., Канада. — Глубокоуважаемая редакция журнала "ДТП"! В ответ на ваше письмо посылаю вам в издательский фонд три доллара. С приветом **Зах. Стецков.**

АКРОН, Охайо. — Уважаемые друзья, посылаю вам два доллара в счёт подписки на "ДТП," поздравляю с Новым Годом и желаю вам успеха. С тов. приветом **П. Краснолобов.**

АКРОН, Охайо. — Уважаемые друзья! В издательский фонд журнала "ДТП" посылаю пять долларов, как новогодний подарок, и желаю вам успеха в продолжении вашей полезной работы на благо человечества. С брат. приветом **С. Гуцев.**

ФЛОШИНГ, Нью Иорк. — Глубокоуважаемая редакция "ДТП." Благодарю вас за праздничные поздравления и посылаю журналу "ДТП" свой новогодний подарок в сумме 10 долларов. Желаю вам успеха в просветит. деятельности. **А. Канадюк.**

КЛИВЛАНД, Охайо. — Уважаемые товарищи, посылаю в издательский фонд журнала "ДТП" 10 д., поздравляю с Новым Годом и желаю всего лучшего. **Л. Хрипливый.**

ВОТЕРБУРИ, Конн. — Уважаемые граждане, посылаю вам 8.50, из коих 1.50 в счет подписки и 2 д. в издательский фонд журнала "ДТП" от В. А., а 5 д. от меня в фонд "ДТП," как новогодний подарок журналу. **Старый Читатель.**

МОХИГЕН, Н. И. — Уважаемые товарищи, передаю вам 11 д., которые поступили от т. Богина: 1 д. за книгу Николаева "Первый среди равных," 5 д. в фонд помощи "ди-пи"-невозвращенцам и 5 д. — новогодний подарок "ДТП." **Подписчик.**

НЬЮ ХЭЙВЕН, Конн. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 16.50, из коих 1.50 — подписка и 15 д. — пожертвования в фонд "ДТП": 5 д. от меня и 10 д. от т. П. Б. — новогодние подарки журналу, нуждающемуся в средствах на издание. С приветом **К. Короневский.**

ГРЭНД ФОРКС, Б. К., Канада. — Уважаемые друзья, я слышал о вашем журнале "ДТП" и желал бы получать его регулярно. Сообщите стоимость подписки. **С. Рильков.**

ТОРОНТО, Канада. — Уважаемые граждане, посылаю вам два доллара в счёт подписки на журнал "ДТП," который прошу высылать по новому адресу. С почтением **П. Додокин.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Товарищи "делотрудовцы," в силу семейных обстоятельств мы отстали от вас, о чем бесконечно скорбим. Болеем вашими неудачами и радуемся успехами. "ДТП" — светоч, указывающий путь освобождения от кабалы капитала, власти и церкви. Жертвуем в фонд журнала "ДТП" 5 д. Это —скромная лепта, но . . . "чем богаты, темирады." Наилучшие пожелания вам. Супруги **Морозовы.**

БРОНКС, Н. И. — Уважаемые товарищи, посылаемые 10 д. — наш новогодний подарок в издательский фонд журнала "ДТП": 5 д. от меня и 5 д. от К. Зеленюка. **Джо. Ге.**

РОЗЛЭНД, Канада. — Уважаемые товарищи, восемь долларов распределите так: доллар — подписка, 2 д. в фонд "ДТП" и 5 д. в ф. Беркмана. **С. Сак.**

ГЭРИ, Индиана. — Уважаемые тт. "ДТП," посылаемые 25 д. составились из следующих сумм: 2.25 за три книги Николаева "Первый среди равных," 10.75 за 72 экземпляра "ДТП" и 12 д. — пожертвования в издательский фонд "ДТП." **Н. Г.**

ЧИКАГО, Иллинойс. — Уваж. "делотрудовцы," прилагаю 23.30. В эту сумму входят: 8.55 — выручка от распространения журнала; 75 сентов за книгу Николаева; 10 д. в издательский фонд "ДТП" от В. Гаврилова; 2 д. от И. Морозова (подписка и в фонд "ДТП") и 2 д. от С. Качулы: 1 д. подписка и 1 д. в помощь "ди-пи." **И. Волков.**

КЛИВЛАНД, Охайо. — Уважаемые товарищи, посылаемые 51 д. составились следующим образом: 15 д. выручено за 20 книг Николаева "Первый среди равных," 24 д. — за 160 экземпляров журнала "ДТП"; 3 д. — пожертвование в фонд "ДТП" и 9 д. собрано по листу № 4 на издание книги Волина. Пожертвовали по 1 д.: Ф. Мойсеева, Соло, Мойсеев, Фесюк, Журавский, Приходов, Ярощук и 2 д. Ф. С тов. приветом **А. Громыко.**

ТОРОНТО, Канада. — Уважаемая редакция "ДТП," в счёт годовой подписки на журнал посылаю почтовым переводом два доллара. Высылайте по новому адресу. С почтением **Т. Курузо.**

ХАРТФОРД, Конн. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 14.60, которые составились из следующих сумм: 3.60 — выручка от распространения журнала; 5 д. — подписка на журнал от пяти лиц и 6 д. — пожертвования в издательский фонд "ДТП" от них же: С. Колманский — 2 д.; Воробей, Лавренюк, Дзюрич и Педосюк — по 1 дол. Наши наилучшие вам пожелания и привет. **Ф. Воробьев.**

НЬЮ ИОРК, Н. И. — Уважаемые граждане, посылаю вам 3 д. в счёет задолженности за прошлые номера, высланные мне в Саут Ривер, Н. Дж., и подписки на уважаемый журнал "Дело Труда-Пробуждение. С брат. приветом **Н. Гуз.**

ДЕТРОЙТ, Мич. — Уважаемые товарищи! Посылаю вам 207 д. 25 с., из коих 16.50 — выручка за № 23 "ДТП," а 190.75 были собраны Профсоюзом в издательский фонд журнала "ДТП" по подписному листу № 24. Жертвовали по 10 д.: Ф. К., М. Б., П. К., Е. Р., И. М., Ж. Г., Т. М. и С. П.; по 5 д.: Т. Б., Г. К., О. З., А. Щ., И. К., П. А., Ж. Д., И. Ч., С. Д., М-з-вы, А. Я. и С. С.; по 3 д.: К. К. и С. С.; по 2 д.: М. Г., С. К., Н. С. и А. Ш.; по 1 д.: В. А., Ф. Н. К., П. Ч., Н. Б., К. П., Н. Д., П. С., Г. К., И. М., А. К., С. Г., Г. Я., Т-р-г-ра, М. Н., Е. С., А. Б., М. М., И. З., Н. О., И. С., С. Ч., И. Б., Р. Р., М. К. и К. Г.; по 50 сентов: И. Н., Г. Г. и И. В.; М. Б. — 25 с.

Вносили пожертвования на журнал и люди инопартийные, разочаровавшиеся в своих верованиях. Они по разному, но искренно, от души высказывали свои разочарования, которые вкратце можно формулировать так: все социально-политические идеи и учения обанкротились; осталась чистой, не скомпроментированной и полноценной идея анархизма; она и только она является для всех обездоленных путеводной звездой к правде и справедливости; долг всякого честного труженика поддерживать эту идею, ибо только в анархизме — спасение человечества от разрушительных сил государственников, добравшихся к власти.

Сердечная благодарность всем жертвователям.

Секретарь Профсоюза **К. Ф.**

ФИЛАДЕЛФИЯ, Пенн. — Дорогие друзья "делотрудовцы"! Посылаю вам 32.25, которые составились из следующих поступлений: 3.75 выручено от распространения № 23 "ДТП"; 9.50 собрано по подписному листу № 7 в издательский фонд журнала и 19 д. собрано на ту же цель по листу № 8. По листу № 7 поступили следующие пожертвования: П. Мартынюк, Я. Ткачук, Д. С. и И. Гринцевич — по 2 д., А. Рафа — 1 д. и К. Созо — 50 сентов; по листу № 8: А. Марченко — 5 д., И. Скиталец — 3 д.; И. Дуб, И. П. и Г. Ярмоленко — по 2 д.; Е. Бел, С. Даманский, А. В., П. Касевич и Я. Кравчук — по 1 д.

Обращаюсь ко всем, в ком не заглохла совесть и осталась искра любви к угнетенным и обездоленным, отбросить старческую пассивность, воспрянуть духом и вновь приняться за общественную работу, а также всемерно поддерживать единственный на русском языке орган свободной мысли — журнал "ДТП," который правильно освещает мировые события и указывает путь к полному освобождению от эксплуатации человека человеком, путь к свободе, изобилию, к полит-экономическому равенству и братству народов. Друзья-читатели "ДТП," воспряньте духом, помогайте своему журналу морально и материально и широко распространяйте его среди русской колонии. Итак, за дело, друзья! **И. Скиталец.**

## БЛАГОДАРНОСТЬ

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Уважаемые товарищи "ДТП"! Позвольте через посредство Вашего журнала поблагодарить всех товарищей и друзей, навещавших меня, когда я лежал на больничном одре в местном госпитале. **П. Гаврилюк.**

БАЛТИМОРА, Мэрилэнд. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 17.50, которые распределяются следующим образом: 5 д. на высылку литературы в Европу, 5 д. в издательский фонд журнала и 7.50 — выручка от распространения "ДТП."

Хотя журнал "ДТП" имеет некоторые теоретические недостатки, как указывают детройцы в своем письме, тем не менее он весьма содержателен по конструктивной критике государственно-капиталистического строя и является полезно необходимым для данного момента. Поэтому "ДТП" заслуживает моральной и материальной поддержки со стороны всех честных людей, читающих по-русски, потому что он защищает не партию, а народ — угнетенного человека. **Ф. Серадоенко.**

ДЖЭМЭЙКА, Н. И. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 12 долларов: 2 д. — подписка и 10 д. в издательский фонд журнала "ДТП." **А. Т—ко.**

## ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ
### РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ "ДТП" ЗА ДЕКАБРЬ 1947 ГОДА

ПРИХОД:

| | |
|---|---|
| Поступило подписки на журнал "ДТП" | 40.00 |
| Поступило за проданные номера журнала | 8.15 |
| **Пожертвования на издание журнала:** | |
| Е. Моцегуд, Нью Иорк | 6.00 |
| И. Данилюк, Нью Иорк | 5.00 |
| К. Левчак, Виндзор, Канада | 5.00 |
| М. Чёрный, Виндзор, Канада | 5.00 |
| Л. Лазарев, Рочестер, Н. И. | 5.00 |
| Б. Войтович, Бруклин, Н. И. | 5.00 |
| Е. Бондарь, Солт-Сте Мэри, Канада | 2.00 |
| И. Бык, Юнгстаун, Охайо | 1.00 |
| Остаток на 1 декабря 1947 г. | 260.25 |
| Итого | 342.40 |

РАСХОД:

| | |
|---|---|
| Издание и экспедиция № 23 "ДТП" | 307.00 |
| Рента почтового ящика за 3 месяца | 4.00 |
| Остаток на 1 января 1948 г. | 31.40 |
| Итого | 342.40 |

Глубокая и сердечная благодарность всем жертвователям, подписчикам и распространителям журнала.

Отчет за истекшие 3 месяца 1948 г. будет помещен в следующем выпуске "ДТП."

**Ред. Коллегия.**

## ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Доводим до сведения всех наших корреспондентов и читателей, что все посылаемые ими письма по адресу журнала должны быть адресованы, согласно почтовым правилам, на имя журнала "ДТП," а не на имя частных лиц, хотя бы даже и секретаря или членов редакции. Во избежание недоразумений в будущем просим принять это к сведению и прекратить посылать письма по адресу журнала на имя частных лиц, ибо в противном случае почта будет возвращать такие письма адресатам. Адресуйте Ваши письма так:

**DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE**
**P. O. Box 54, Cooper Station**
**New York 3, N. Y.**